

Л. САМОЙЛОВ,
В. ГИРИН

ВЫСТРЕЛ В ПЕРЕУЛКЕ

честь · отвага · мужество

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1964

ГЛАВА I

У комиссара милиции

Рано утром дежурный по Управлению охраны общественного порядка позвонил мне по телефону и сообщил, что комиссар, заместитель начальника управления, может принять меня. Наскоро позавтракав и на ходу раскладывая по карманам документы, записные книжки и карандаши, я вышел на улицу. Мостовая и тротуары были мокры. Сохранившаяся после ночной грозы влажная свежесть чувствовалась в прозрачном воздухе, на траве и деревьях поблескивали невысохшие дождевые капли.

Часы показывали десять, когда, получив пропуск, я направился к указанному мне входу и очу-

тился в саду с подстриженными деревьями, газонами и клумбами цветов. Картина вполне идиллическая. Все дышало миром, покоем, тишиной.

В глубине сада широко раскинулось старинное здание с мощными белыми колоннами. Я вошел внутрь. В коридорах было прохладно и тихо. Из какого-то отдаленного кабинета слабо доносились приглушенные голоса и стрекотание пишущих машинок.

Комиссар был занят, и мне пришлось ждать, правда совсем недолго. Я даже не успел как следует оглядеться, как услышал свою фамилию, и секретарь пригласил меня пройти в кабинет. За большим письменным столом сидел моложавый человек в светлом кителе и писал. Увидев меня, он быстро поднялся и пошел навстречу.

— Извините, задержал.

Мы обменялись приветствиями. Однако телефонный звонок оттянул начало нашего разговора. Комиссар жестом пригласил занять кресло перед его столом и взял трубку.

— Да, это верно, — негромко сказал он. — Бухгалтер столовой Орлов. Убит на улице выстрелом из пистолета. В семь часов вечера... Нет, в сознание не приходил... По-видимому, в целях ограбления. Пока не могу утверждать. Ведется расследование. Нет, нет, один на машине «Волга»... Да, скрылся. Серого цвета... Нет, не такси. Справку об этом я вам послал... Обстоятельное сообщение получите завтра... Я понимаю... Да, завтра... хорошо.

Комиссар говорил тихо, спокойно, но было видно, что он взволнован.

— Прошу прощения. Еще одну минуту... — ко-

миссар снова поднял трубку и набрал нужный номер. — Здравствуйте, Анна Герасимовна! — приветливо сказал он. — Как ваше здоровье? Лучше? Очень рад... А Федор Георгиевич дома? Знаю, что недавно пришел... Но что делать, такая уж у нас участь. Передайте, пожалуйста, что он мне очень нужен.

Комиссар закончил разговор и положил трубку. Затем, вырвав лист из большого настольного блокнота, написал на нем несколько фамилий, вызвал секретаря и распорядился:

— Вызовите всех к одиннадцати часам.

Я огляделся. Кабинет был обставлен легкой, изящной мебелью. Удобные низкие кресла со спинками и сиденьями из поролона. Плоские книжные шкафы, сквозь стекла которых виднелись корешки книг. На полу лежал большой ковер.

Секретарь ушел. Я уже собрался говорить о своем деле, но меня снова прервал телефон. И так несколько раз. Судя по ответам комиссара, чаще всего ему задавали два вопроса: «Как же так, среди бела дня, в центре города допустили преступление?» и «Задержан ли преступник?» Естественно, что на первый вопрос трудно было ответить до окончания расследования. Зато на второй, казалось бы легкий, вопрос следовало отвечать: «Нет». Однако, каждый раз произнося это коротенькое слово, он хмурился и нервно покусывал губы. Я понимал его состояние.

В открытые окна кабинета из сада вливался нежный аромат цветов. Неожиданно громко прозвучала сирена и послышался шум удаляющейся машины. Комиссар поднял голову, и только сейчас я как следует разглядел его лицо. Оно казалось бледным и очень усталым.

— Слушаю вас.

— Товарищ комиссар, вам, конечно, известно полученное мною задание?

— Да, мне звонили из редакции. Я могу толь-

ко приветствовать ваше желание написать серию очерков о передовых людях милиции.

— Не могу ли я...

— Можете, — улыбнулся комиссар. — Я распоряжусь, чтобы вам дали материалы. Если будет какая заминка, обратитесь ко мне.

Такой «бумажный» способ знакомства с людьми меня мало устраивал, и я в этом откровенно признался.

— Что же вы хотите? — комиссар откинулся в кресле.

— Хочу лично познакомиться с людьми, посмотреть к их работе.

Несколько мгновений мой собеседник задумчиво смотрел в сторону, что-то соображая, прикидывая, потом решительно сказал:

— Хорошо. Я предоставляю вам эту возможность, но...

— Слушаю вас.

— Давайте так договоримся. Ваши очерки будут не о гениальных одиночках, все видящих и все знающих, а о рядовых в синих шинелях, о тех, кто по воле партии, по зову сердца пошел на большую и трудную работу «ассенизаторов и водовозов, революцией мобилизованных и призванных». Помните Маяковского?

Я не успел ответить, вошел секретарь и доложил о приходе Гончарова. Темноволосый, большеблбый, среднего роста, с невозмутимым лицом, майор милиции, несколько тяжеловато ступая, подошел к нам и произнес глуховатым голосом:

— Здравствуйте, товарищ комиссар, явился по вашему приказанию.

— Садитесь. Мне пришлось вас срочно вызвать. Как идет расследование по делу Орлова?

Гончаров посмотрел на меня, потом перевел взгляд на комиссара. Тот познакомил нас и сказал:

— Можете говорить.

Майор доложил, что вчера, сразу же после убийства и бегства преступника на машине, была организована силами милиции и дружинников проверка всех гаражей и стоянок автомашин. В три часа ночи в гараже одного из научно-исследовательских институтов сотрудники Уголовного розыска вместе с представителем автоинспекции обнаружили машину «Волга» серого цвета с глубокой царапиной на кузове, похожей на след пули. Вскоре был задержан и шофер Савушкин. Он спал дома пьяный.

Комиссар огорченно пожал плечами.

— Значит, пока еще нет никаких улик. В серый цвет окрашивают много автомашин, а происхождение царапины не выяснено. Что говорит Савушкин?

— Уверяет, что ездил к больной тетке в Клин и вернулся в гараж поздно вечером.

— Ну, вот видите... А кто ему разрешил уехать с работы по личным делам?

— Никто не разрешал. Я его допрашивал сегодня рано утром. Сперва он заявил, что был выходной и в этот день не работал. Потом «вспомнил», что ездил по вызову заместителя директора института, а в конце концов сказал, что все это неправда, что он обманул заведующего гаражом и ездил не по вызову, а к тетке в Клин.

— Как он объясняет царапину на машине?

— Говорит, какой-то мальчишка бросил камень. Как только получу заключение экспертизы, снова вернусь к этому вопросу.

— Савушкин в прошлом судился?

— Нет. Имел взыскание за нарушение правил уличного движения.

— Это еще ни о чем не говорит. Насчет тетки выяснили?

— По телефону мы связались с Клином, просили выполнить наше поручение. Ответа ждем с минуты на минуту.

— Надо было срочно проверить! — недовольным голосом заметил комиссар. — Кто ведет расследование?

— Опергруппу возглавляет заместитель начальника райотдела милиции капитан Дроздов. От прокуратуры — следователь Коваленко.

— Хорошо, — комиссар помолчал. — Вот что. Вам я поручаю руководить оперативным расследованием по этому делу и лично с вас буду спрашивать.

— Слушаюсь! — Гончаров сделал движение, чтобы встать, но комиссар задержал его.

— Обыск у Савушкина произвели?

— Да, но ничего не нашли, кроме черной кожаной куртки, в которую, со слов свидетелей, был одет преступник.

— Кожаная куртка? У какого шофера ее нет? Вы установили, из какого оружия стрелял преступник?

— Судя по подобранной гильзе, из пистолета калибра 7,65.

— Что говорит директор столовой?

— Он еще не допрошен.
— Почему? — удивился комиссар.
— Мы не могли сразу установить личность убитого, при нем не оказалось никаких документов.

— Как же вы узнали?
— При осмотре его вещей на внутренней стороне крышки часов оказалась надпись: «Дорогому И. И. Орлову в день пятидесятилетия от сослуживцев», — и дата. По этой дате, вычислив год рождения, мы узнали в адресном бюро его адрес.

— Понятно, — нетерпеливо перебил комиссар, — но откуда и когда стало известно, что Орлов нес деньги в банк?

— Сегодня утром от сотрудников столовой. Орлов почему-то не стал дожидаться инкассатора. Подробности не знаю. Сейчас поеду в отделение к Дроздову и все уточню.

— Надо наращивать темпы расследования! — Гончаров в ответ только вздохнул. — Убийца на свободе, и этого нельзя забывать ни на минуту. — После короткой паузы комиссар добавил: — В ваших возможностях, товарищ майор, эти темпы ускорить. Машину Савушкина хорошо осмотрели?

— Кроме царапины, ничего существенного не обнаружено. Я проверю еще раз.

— Да, да! Обязательно проверьте!

Комиссар вытащил из ящика стола блокнот и сделал в нем несколько пометок, видимо для памяти.

— Все проверьте, — продолжал он, не теряя нити разговора. — Однако расследование надо вести и в другом направлении. Это ведь не мелкая карманная кража в толпе у какого-то ротозея.

Здесь все заранее продумано и подготовлено. А нередко бывает так, что преступления, которые сложно совершить, легко раскрываются. Естественно, что здесь мы с вами не сумеем так, с ходу выявить все обстоятельства дела. Слишком много неизвестного. Ясность придет в процессе разбора, исследования данных, полученных при осмотре, но кое-что уже сейчас бросается в глаза. К примеру, кто мог совершить это преступление? Тот, кто знал, что Орлов, а не инкассатор банка понесет деньги, и какой дорогой он пойдет, и даже время, когда это будет происходить. Но ведь все это могли знать только очень немногие сослуживцы Орлова. Выявить их — первая и главная задача, которую вы должны решить. Правильно?

— Резонно.

— Заодно надо выяснить, кто и почему разрешил бухгалтеру относить дневную выручку в банк, не дожидаясь приезда инкассатора. Это же вопиющее нарушение правил!

— Слушаюсь, будет сделано.

— И вот еще что, — продолжал комиссар, — немедленно через научно-технический отдел исследуйте, как давно снимался с машины номер. Очень странно, почему никто не заметил номера, а он должен был быть. Может быть, и фальшивый, но был.

— Номер был, но люди растерялись и...

— А почему постовой не записал номер? Тоже растерялся?

— Вряд ли. Вы его, наверное, помните, он этой весной спас двух ребятишек во время ледохода. — Гончаров посмотрел в мою сторону и добавил: —

Шалили на льду, льдина перевернулась, и они свалились в воду.

— А-а, — протянул комиссар, — конечно, помню! Крылов — его фамилия. Хороший милиционер. Почему же теперь он так оплошал?

— Вчера я выезжал на место происшествия, — ответил Гончаров. — Вы разрешите, вот план.

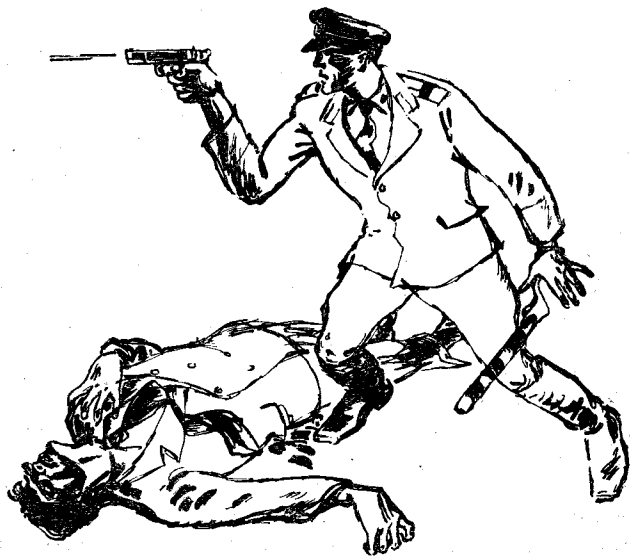
Гончаров не торопясь развернул принесенный им большой лист бумаги, свернутый в трубку, скатал его в обратную сторону, чтобы выпрямить, разложил на столе и стал объяснять:

— Это Земляной вал. Вот улица Карла Маркса. Здесь Гороховский переулок. Видите, он сразу круто сворачивает в сторону, и если глядеть с улицы, то можно подумать — это тупик. Крылов услышал выстрел, — Гончаров взял из резной деревянной кружечки на столе комиссара карандаш и указал место на плане, — когда был вот здесь, около входа в сад имени Баумана, это метров семьдесят пять — сто от Гороховского переулка. Прибежав, он увидел лежащего на тротуаре мужчину и на полном ходу, уже на повороте, автомашину, серую, без шашек. Он крикнул: «Стой!» Побежал за машиной и дал предупредительный выстрел. Машина не остановилась. Он выстрелил второй раз. Но когда добежал до поворота, она уже исчезла из виду. Организовать погоню было поздно и бесполезно. Постовой немедленно сообщил дежурному по городу. Были поставлены в известность все посты и контрольные пункты, и все же машине удалось скрыться. Плохо, конечно, что милиционер номера не заметил, но вы обратили внимание, как вчера вечером перед грозой стало тем-

но, а потом, словно нарочно, хлынул сильный дождь...

Комиссар слушал, глядя то на Гончарова, то на план, лежавший на столе, и не перебивал.

— Ваши объяснения убедительны, товарищ майор, — медленно проговорил он, — но факт остается фактом. Совершилось преступление, рядом был милиционер, который вместо того, чтобы умело организовать погоню, дал преступнику возможность скрыться. Прошу произвести тщательное служебное расследование.

— Слушаюсь!

— Вы понимаете, как мы виноваты? Нами для изобличения убийцы еще фактически ничего не сделано, а время не ждет.

Комиссар снял с маленького настольного коммутатора трубку и нажал один из никелированных рычажков.

— Товарищ Юдин? Здравствуйте. По делу Орлова задержана автомашина... Да, да. Кто занимается экспертизой? Профессор Черпаков? Отлично. Попросите его позвонить мне... У вас? Очень кстати! Передайте ему трубку. Здравствуйте, Василий Николаевич! Как чувствуете себя? Очень рад. Одолеl, наконец, вашу «Судебную баллистику». Есть несколько замечаний, ну, да это при встрече. Скажите, что за царапина на вчерашней автомашине? Пробоина? Стало быть, камень исключается. Так, так. Огнестрельное оружие большой силы. Да, милиционер стрелял из пистолета системы Макарова. Понятно. Спасибо, желаю здоровья. — Положив трубку, комиссар задумался, побарабанил пальцами по столу и уже спокойно сказал: — Теперь у меня сомнений нет. Все же работы по этому делу будет еще много. Может быть, Дроздову не хватает работников, мобилизуйте из нашего аппарата. Впрочем, вам на месте будет виднее. Доклаdывайте регулярно, как пойдет расследование.

— Слушаюсь!

— Савушкин женат?

— Так точно.

— Допросите лично жену Савушкина. Ее показания могут иметь решающее значение. И смот-

рите, как бы она не перепрятала деньги и оружие. Это создаст дополнительные трудности в расследовании.

— Я это учитываю.

— У вас есть еще что-нибудь?

Гончаров молча протянул пачку фотографий. Комиссар мельком взглянул на них и передал мне. Это была серия обзорных снимков места происшествия с отметками красной тушью: крестиком — стоянка машины и стрелкой — направление, по которому она скрылась. Я рассматривал четкие фотографии улицы, живо представляя происшедшую там человеческую трагедию. Острое профессиональное любопытство овладело мной. Я понял, что имею возможность непосредственно «на поле битвы» увидеть работу тех, кто, не щадя жизни, очищает нашу землю от всякой нечисти.

— Товарищ комиссар, — воспользовавшись наступившим молчанием, сказал я, — разрешите мне присутствовать при допросе задержанного преступника.

— Это я имел в виду, — ответил комиссар, — поэтому-то и задержал вас у себя. Поезжайте! Посмотрите, как мы работаем. Федор Георгиевич, возьмите с собой товарища. — Комиссар встал, мы тоже поднялись. Подойдя к Гончарову и придерживая его за руку, комиссар добавил: — Постарайтесь все основное закончить сегодня. И имейте в виду, еще очень многое неизвестно. В чьих руках оружие, где деньги, кто помогал? Не исключена возможность повторения подобного. А вы, — обратился комиссар ко мне, — теперь будете на переднем крае. Это, конечно, лучший путь.

Комиссар хотел еще что-то добавить, но вошедший секретарь доложил, что вызванные сотрудники собрались и ожидают в приемной. Часы гулко пробили одиннадцать раз.

ГЛАВА II

Кепка на мостовой

Из приемной Гончаров позвонил в гараж, вызвал машину и затем, как мне показалось, довольно сухо пригласил меня. Мы молча спустились к выходу.

Когда машина подошла, я спросил:

— Может быть, вы недовольны моей просьбой? Скажите, я сейчас же уйду.

— Что вы! — неожиданно горячо запротестовал майор, приподнимая брови и глядя на меня чуть покрасневшими от бессонницы глазами. — Чем же мне быть недовольным? — Он взял меня под локоть, дружески посадил в машину и занял место рядом. — У меня, наверно, такой вид, недовольный. Так на это есть основание. Да вы не обращайте внимания. С чего это вы взяли, право! Пожалуйста, смотрите, наблюдайте, только...

Шофер обернулся и вопросительно посмотрел на Гончарова. Майор назвал адрес, и машина тронулась.

— Только не вмешиваться? — спросил я, полагая, что именно об этом он хотел меня просить.

— Нет, — рассмеялся Гончаров. — Только вряд ли это будет так интересно, как кажется.

Ведь у нас все буднично. Работа и еще раз работа.

— Как раз ваша работа мне и нужна. И не так уж у вас буднично, товарищ майор. Раскрытие преступления — разве это не романтика?

— Ого, какой вы! — усмехнулся Гончаров. — Вообще-то в известной мере вы правы. Но поверьте, наша романтика состоит из множества мельчайших деталей, подробностей, самих по себе малопривлекательных, но совершенно обязательных, «железных», как мы иногда их называем.

— А дело Савушкина?

Гончаров пожал плечами.

— Дело как дело, а в общем не знаю. Пока ничего не знаю.

— Но это неприятная для вас история?

— Как всякое убийство. И почему только для нас? — возразил майор. — Разве преступление касается только потерпевшего и милиции? Оно враждебно всему нашему обществу, нашему укладу жизни. Но ведь кому-то надо заниматься этим делом... — усмехнулся майор. — Это и снижает наш интерес к романтике.

Машина замедлила ход и остановилась. Я взглянул на часы, было без четверти двенадцать.

Кабинет заместителя начальника райотдела милиции находился в конце длинного коридора. Мы уже были у дверей кабинета, когда к нам подошел младший лейтенант милиции и, подняв руку к козырьку, доложил, что майора Гончарова спрашивают из управления. Гончаров направился к телефону, а я постучал в дверь и вошел.

Девушка в белой блузке прекратила печатать

и вопросительно посмотрела на меня. Я назвал ее и спросил, могу ли видеть капитана Дроздова. Она быстро прошла к двери в смежную комнату и, слегка приоткрыв ее, сказала негромко:

— Приехал писатель.

— Пусть войдет, — слышался звонкий голос.

— Пожалуйста, проходите. — Девушка постояла и пропустила меня.

— Входите, входите, товарищ! Жду вас!

Навстречу мне шел высокого роста молодой офицер и приветливо улыбался.

— Капитан Дроздов, — представился он. — Комиссар звонил мне по телефону. Очень рад. Присаживайтесь вот сюда, на диван.

Поначалу разговор не завязывался. Капитан ждал Гончарова, и ему было не до посторонних.

— Какие новости? — спросил Гончаров еще на пороге кабинета. — Комиссар недоволен, нервничает. Говорит, что расследование идет одностороннее, без учета всех версий. Что удалось узнать?

Гончаров снял пиджак, повесил его на спинку стула, отстегнул пуговицу у воротника, растянул петлю галстука и уселся рядом со мной на диван.

— Много нового, товарищ майор! — поспешно и, как мне показалось, радостно ответил Дроздов.

— Да? Интересно. Неужели деньги или оружие нашли?

Дроздов покачал головой.

— Пока нет. Во-первых, нам позвонили из Клина, сообщили, что Савушкин не был у своей тетки с позапрошлого воскресенья, а во-вторых, к нам пришла одна гражданка и принесла кепку, выпавшую из машины.

— Какую кепку? Из какой машины?
— Полагаю, что кепку Савушкина. Кого же еще?

— Не понимаю.

— А вы сами с ней поговорите.

— С кем, с кепкой?

— С Кедровой. Я ее сейчас приведу.

Дроздов быстро вышел из кабинета и скоро вернулся с молоденькой миловидной женщиной, держащей на руках грудного ребенка в белом кружевном конвертике. Женщина села в кресло возле письменного стола, поправила свое голубенькое с цветочками платье, заглянула в конвертик и, найдя там все в порядке, посмотрела на нас.

— Будьте добры, — сказал Дроздов, — повторите товарищам показания, которые вы дали следователю прокуратуры.

— Сначала?

— Да, пожалуйста.

Женщина помолчала, потом не торопясь негромко стала рассказывать:

— Значит, так. Вчера вечером я возвращалась домой. Я была у мамы. Она живет на улице Баумана, а я — в Гороховском переулке. Потемнело, начался дождь. Вдруг слышу выстрел. Я испугалась, конечно, и остановилась. Откуда, думаю, что такое? В это время мимо меня пронеслась машина серого цвета, легковушка, и я увидела, как из окна, где сидит шофер, что-то упало. Мне показалось, что с головы шофера... Я подбежала и подняла. Оказалась кепка, немного поношенная. Вот она, лежит на подоконнике в газете.

Гончаров встал, подошел к окну, развернул га-

зетный сверток и достал из него шерстяную коричневую кепку. Осмотрев кепку, он снова аккуратно завернул ее и положил на прежнее место.

Показания Кедровой действительно много стояли, и, по-видимому, Гончаров придавал им серьезное значение. Это подметил и Дроздов. Он улыбался, ободряюще глядя на молодую женщину.

А Кедрова продолжала свой рассказ:

— Вначале я хотела бросить ее, но мне показалось, что между стрельбой и автомашиной имеется какая-то связь. Я даже подумала, надо сейчас же эту кепку отнести в милицию, может быть, она будет нужна, но тут пошел сильный дождь, и я заторопилась домой, а потом началась гроза, и я уже из дому не выходила... Я бы вчера еще ее принесла, да так уж получилось, — извиняющимся голосом проговорила женщина.

Она склонилась к ребенку, спавшему у нее на руках. Розовое личико его было серьезно и хмуро.

— Скажите, номер машины вы не заметили? — спросил Гончаров.

— Нет. Меня товарищ следователь уже спрашивала. Ах, как жаль, что я не догадалась!

— Машина быстро промчалась мимо вас?

— Очень быстро. Я даже испугалась, когда она завизжала на повороте в Малый Демидовский переулок. Ее так швырнуло.

— И вы видели, как кепка слетела с головы? — уточнял Гончаров.

— Да. Кепка вроде как мелькнула и упала на мостовую.

— По ходу машины вы стояли с левой или с правой стороны?

— Дайте сообразить. Значит, так. Машина шла от улицы Карла Маркса, — Кедрова помогала рукой объяснить направление, — а я стояла напротив школы, значит, с правой стороны. С правой! — твердо заключила она.

Дальнейшие показания Кедровой интереса не представляли, однако Гончаров, не перебивая, выслушал ее внимательно до конца.

— Большое вам спасибо, — сказал он, вставая. — Вы нам очень помогли. Извините, что задержали. Небось своих дел невпроворот.

Мы тоже поднялись со своих мест.

— Пожалуйста, — смутилась Кедрова. — Только что же я сделала? Кепку подобрала да принесла...

— Это для нас очень важно, поверьте. Еще раз спасибо. А малышка у вас понятливый. Молчит, знает, что мама по серьезному делу пришла.

— Он у меня умненький, — порозовела от удовольствия Кедрова и, прощаясь, протянула руку.

С минуту мы стояли, не говоря ни слова. Первым нарушил молчание Гончаров:

— Молодец! Не посчиталась со временем, пришла.

— А как же? Без таких помощников грош нам цена, — отозвался Дроздов.

— Верно! — кивнул головой Гончаров. — Ну, ладно. Возьмемся за работу. Значит, Савушкин у тетки в Клину не был. Так, так. Товарищ капитан, следовательно прокуратуры у вас? Я бы хотел вместе с ним допросить Савушкина. Скажу по совести, кое-какие детали мне еще не совсем ясны.

Через несколько минут в кабинет вошла моло-

дая женщина в строгом черном костюме, на лацкане которого поблескивал университетский значок. Она приветливо улыбнулась нам. Меня представили. Это и был следователь прокуратуры Вера Анатольевна Коваленко.

ГЛАВА III

Допрос

Савушкин слегка сутулый, лет 35—37, с бледным, небритым, ничем не примечательным лицом. Такие лица обычно не запоминаются. Чувствовалось, что он испуган и насторожен. У него был вид человека, страдающего головной болью и не выспавшегося. Помятый костюм, расстегнутая рубашка усиливали неприятное впечатление.

Савушкину предложили сесть. Он тяжело опустился на стул, обвел нас слегка припухшими глазами и почему-то шепотом попросил дать ему покурить. Гончаров протянул портсигар. Поблагодарив, Савушкин взял папиросу и закурил. Однако после первой же затяжки поморщился и погасил папиросу. Вкус табака, видимо, был ему противен.

Коваленко взяла пачку бланков допроса и приготовилась записывать показания.

— Гражданин Савушкин, — отчетливо выговаривая каждое слово, начала она. — Я уже вам говорила, вы обвиняетесь в том, что двадцать седьмого июня сего года в девятнадцать часов десять минут в Гороховском переулке в целях ограбления

выстрелом из пистолета убили бухгалтера столовой гражданина Орлова Ивана Ильича и похитили у него портфель, в котором он нес казенные деньги. Признаете себя виновным?

— Пустышку тянете, — ответил Савушкин хриплым, простуженным голосом. — Никого я не убивал и не грабил.

— Хорошо, я так и запишу: «Виновным себя не признаю».

Я обратил внимание, как старательно и аккуратно Коваленко выводила каждую букву. «Чистюля», — мелькнула смешливая мысль.

— Разрешите, — обратился Гончаров к следователю и, в свою очередь, спросил: — Гражданин Савушкин, где вы были и что делали вчера до момента вашего задержания?

Савушкин заерзал на стуле.

— Где я был? — спросил он, делая ударение на слове «где».

— Да, где вы были?

— Ну, взял машину, заправил бензином у колонки. Есть у нас там возле гаража. Ну и поехал в Клин, к тетке, больна она.

— Это неправда, — сказал Гончаров. — После первого допроса мы выяснили: тетушка ваша давно поправилась. К тому же вы не были у нее с позапрошлого воскресенья.

— Я говорю, хотел поехать. По дороге раздумал...

— Ах, вот как! Хотели поехать, раздумали и вернулись в гараж?

— Да, у меня не ладилось с зажиганием, и я вернулся обратно.

Вмешалась Коваленко:

— Это уже четвертая придуманная вами версия. От трех вы сами отказались. Говорите правду, где вы были?

— Я правду говорю.

— Ладно, не будем спорить. Сколько времени пользовались машиной?

— Не помню.

— А где пили вино?

— К обеду выпил сто грамм и кружку пива.

— Где обедали?

— В какой-то столовой.

— В какой? Где?

— Не помню.

— Когда обедали? До или во время поездки?

— Во время.

— Когда же это было?

Савушкин пожал плечами, опустил голову и не ответил.

— Вы уехали из гаража в шестнадцать часов, вернули машину в двадцать один час. Где вы были пять часов?

Не получив ответа, Коваленко предложила Савушкину по часам последовательно рассказать, куда он поехал из гаража, какой дорогой, где находился целый день и вечер.

Но Савушкин никак не мог толком объяснить, где был и что делал. По его словам получалось, что все время он находился либо по дороге в Клин, либо по дороге из Клина.

Все мы внимательно наблюдали за Савушкиным, а тот заметно нервничал, старался отвести глаза и, опустив голову, время от времени озираясь исподлобья.

Неожиданно Гончаров спросил:

— Где ваш головной убор?

— Потерял я кепку.

— Где?

— Не помню.

— Это ваша? — Гончаров протянул Савушкину кепку.

Тот несколько мгновений присматривался к ней, потом взял, надел на голову — пришлось в точности.

— А я-то ее искал, искал... Где вы ее взяли, начальник?

— Мы ее взяли в том месте, где был убит бухгалтер Орлов, — твердо сказал Дроздов.

Савушкин откинулся на спинку стула и, не моргая, смотрел на капитана. Крупные капли пота выступили у него на лбу. Вдруг он вскочил, сорвал с головы кепку и с размаху бросил ее об пол.

— Я убил? — захрипел Савушкин, будто страшный смысл этих слов только сейчас дошел до его сознания. — Что же это делается, товарищи?! Ну выпил, ну был в нетрезвом виде, ну побили мне машину, согласен, каюсь, штрафуйте! Отбирайте права! Но за что же держать меня, таскать по милициям, да еще заявлять, что я убил... Никого я не убивал! — кричал он. — Это не моя кепка. Что, на ней написано, что она моя? Вы подобрали ее где-то, да мне и приписываете.

— Успокойтесь, Савушкин, не шумите, — негромко сказал Гончаров, — кепка ваша, и о ней разговор окончен. Скажите, где вы поцарапали машину?

Савушкин тяжело дышал и ничего не говорил. Наконец, овладев собой, ответил:

— По дороге из Клина какой-то мальчишка камень бросил.

— Неправда, — спокойно сказал Гончаров. — От камня, брошенного рукой мальчика, такого следа быть не может. Экспертиза уже установила, что это след пули.

— Не знаю, ничего не знаю.

— Подумайте, Савушкин, — снова вступила в допрос Коваленко. — Дело серьезное, отмахнуть-

ся словами от него нельзя. От ваших показаний многое зависит. Мы можем не знать некоторых подробностей. Расскажите о них. Объясните, что вас толкнуло на преступление. Ведь мы все равно узнаем. Сказать правду — в ваших интересах. Поймите, правдивые показания могут облегчить вашу участь.

Коваленко говорила доброжелательно, словно перед ней находился тяжело больной человек, отказывающийся принять лекарство.

— Вы только послушайте, Савушкин, что говорят факты, — продолжала она. — Вчера вечером убит бухгалтер столовой Орлов, у которого похитили портфель с деньгами. Я утром спрашивала у вас, где вы были вечером. Вы несколько раз меняли показания.

Коваленко взяла дело, лежавшее у нее на столе, и быстро нашла нужный ей документ.

— Вот вы ответили, так и записано в протоколе допроса: «Сегодня днем я ездил к своей тетке, проживающей в Клину по Садовой улице в доме № 4, и вернулся от нее часов в десять вечера». Проверяю ваши показания — оказывается, ложь. Не ездили вы к тетке и не были у нее около двух недель. Так или не так?

Савушкин молчал. Он сидел, опустив голову на руки, облокотившись на колени, и, сжимая пальцами виски, глубоко вздыхал.

— Далее, преступник был на автомашине «Волга» серого цвета, точно такой, какую водите вы. Когда он бежал на ней с места преступления, старшина милиции Крылов выстрелил вслед. На вашей машине обнаружена пулевая пробоина. Я спра-

шиваю: откуда она? Вы отвечаете, какой-то мальчик бросил камень. Ложь! Экспертиза установила, что это не след камня, брошенного рукой ребенка, а след пули.

Савушкин продолжал молчать.

— Но и это не все. Очевидцы, как один, повторяют: стрелял в Орлова человек в черной кожаной куртке. Я спрашиваю: вы носите черную куртку? Вы отвечаете: да. Что это, совпадение? Нет! На месте преступления найдена кепка, утерянная человеком, убившим Орлова. Ваша кепка? Ваша. Вы понимаете теперь всю нелепость заперительства?

Савушкин молчал.

— К чему лгать? Ведь вам ясно, что главное мы знаем. Знаем и требуем: сдайте оружие и похищенные деньги.

— Ничего не знаю. Делайте со мной, что хотите, а я ничего другого не скажу, — угрюмо повторял Савушкин. Безжизненное лицо его стало серопепельным.

— Может быть, тогда вы скажете, что за тридцать рублей пытались от нас спрятать? — задал вопрос Дроздов.

— Какие тридцать рублей? — с деланным недоумением переспросил Савушкин.

— А те, что были обнаружены у вас в сапоге.

Некоторое время Савушкин молчал.

— Мои это деньги. Подумаешь, капитал! Я ведь работаю, — сказал он и еще ниже опустил голову.

Получив примерно такие же ответы и на последующие вопросы, Коваленко отодвинула в сторону протокол и посмотрела на Гончарова.

— Отправим его обратно? — предложил майор.

— Придется. Гражданин Савушкин, прочтите и, если ваши показания записаны правильно, подпишитесь.

Савушкин стал медленно читать, шевеля губами.

— Вы разбираете мой почерк? — спросила Коваленко.

— Разбираю. Где подписываться-то?

Когда протокол был подписан, Савушкин тяжело поднялся со стула. Дойдя до двери кабинета, он остановился, будто хотел что-то сказать, но махнул рукой и вышел.

ГЛАВА IV

Кто был в машине

Глубоко задумавшись, Гончаров неподвижно сидел у края стола. Если бы не быстрые взмахи пальцев, вертевших спичечный коробок, можно было бы подумать, что он дремлет. Но вот он встал, положил спички в карман и, подойдя ко мне, спросил:

— Я вижу, вы чем-то удивлены?

— Упрямством Савушкина. Бессмысленным отрицанием! Никак не могу объяснить его поведения.

— Да-а, всякое бывает, — неопределенно протянул Гончаров.

— Что же вы будете делать, товарищи, если Савушкин не захочет сознаться? — спросил я.

— Работать, — лаконично отозвался Гонча-

ров. — Товарищ Дроздов, дайте команду срочно вызвать директора столовой. Он очень нужен.

Дроздов нажал кнопку, из соседней комнаты донесся слабый дребезжащий звонок, и в дверях появилась уже знакомая нам девушка с небольшим листком бумаги в руке. Она молча остановилась на пороге.

— Товарищ Зайцева, ко мне есть кто-нибудь?

— Есть. Я составила список.

Она подошла к столу и передала листок.

— Пусть посетителей примет старший лейтенант Андреев, а вы отложите все дела и срочно вызовите директора столовой Никитина. Телефон столовой у вас есть.

Зайцева вышла.

— Вера Анатольевна, не пришло ли время побеседовать с нашими немymi свидетелями? — сказал Гончаров.

— Их немного, Федор Георгиевич, — в тон ему ответила Коваленко. — В машине Савушкина найдено всего-навсего несколько горелых спичек, окурок, волос какой-то. Я посылаю их в научно-технический отдел.

— Правильно делаете. А сейчас, если не возражаете, мне бы хотелось посмотреть на это хозяйство.

— Пожалуйста. Пройдемте в соседний кабинет. Материалы там.

— Идемте, — Гончаров снял со спинки стула пиджак и надел его.

Письменный стол, широкий деревянный шкаф и десяток стульев занимали почти весь узкий и длин-

ный кабинет, в котором работала следователь прокуратуры.

— «Разложил товар купец», — пошутил Гончаров. — Показывайте, Вера Анатольевна.

— Садитесь за «прилавок», товарищи покупатели.

Коваленко, улыбаясь, усадила Гончарова на свое место за столом, а сама прошла в угол комнаты и открыла шкаф.

Три крошечных конверта, извлеченные ею из папки, легли перед майором.

— Не густо, — покачал тот головой.

В одном бумажном конверте лежали три обгорелые спички, в другом — окуроченные папиросы. Содержимое третьего, целлофанового, состояло всего-навсего из одного волоса.

— Ну что ж, — придвинул к себе конверты Гончаров, — спички отложим в сторону, я в них ничего не понимаю, возьмем папиросу.

Он осторожно вынул пинцетом окуроченный папирос. Бросилась в глаза часть мундштука, окрашенная в ярко-красный цвет.

— Какая яркая помада! — сказал Гончаров.

— Этот цвет так и называется — ярко-морковный, — заметила Коваленко.

— Машиной пользуется профессор...

— Директор научно-исследовательского института Кадомцев. Большая величина в ученом мире, — подсказал Дроздов.

— Он женат?

— Не знаю, — ответил Дроздов.

Вмешалась Коваленко:

— Да, я проверила. Сегодня утром позвонила

по телефону в институт и разговаривала с профессором. Товарищ Кадомцев обещал быть у нас без четверти четыре. — Она посмотрела на маленькие ручные часы. — Сейчас три, через сорок пять минут профессор должен быть здесь.

Я слушал Коваленко, ее нежный, приятный голос и думал о том, что, пожалуй, никто никогда, встретив впервые эту молодую сероглазую женщину, не догадался бы о ее профессии, о ее тяжелом труде следователя.

— Хорошо, благодарю вас. — Гончаров еще некоторое время разглядывал со всех сторон окурки, потом бережно уложил его обратно в конверт. — Надо выяснить один весьма существенный вопрос, — сказал он. — Как давно снимался с машины номер?

— Номер вообще не снимался, — ответила Коваленко. — Эксперт осматривал машину и установил, что номер надет давно и в последнее время не снимался. Письменное заключение будет готово к вечеру.

Гончаров внимательно выслушал, кивнул головой и тихо сказал, ни к кому не обращаясь:

— Я так и думал...

При этой реплике широко раскрыла глаза Коваленко, странно посмотрел на Гончарова Дроздов, и, по совести говоря, только я в этот момент еще не понимал причины их удивления.

— А вот, товарищ майор, еще один немой свидетель, — Дроздов взял со стола и передал в руки Гончарова целлофановый конверт.

— Ну, тут без увеличительного стекла не обойтись.

— У меня есть лупа, пожалуйста, — Коваленко вытащила из стола и протянула Гончарову большую лупу.

— Так, так, — Гончаров щелкнул пальцем по целлофановому конвертику, — что нам расскажет этот немой свидетель? — Ему, по-видимому, понравилось это выражение.

Осторожно, тем же пинцетом, майор вынул из пакетика волосок, положил его на предварительно разостланный на столе чистый лист бумаги и стал внимательно рассматривать через увеличительное стекло.

— До отправки в НТО давайте хотя бы предварительно уясним, что собой представляет эта улика.

Я не выдержал:

— Федор Георгиевич, извините, что вмешиваюсь, но, по совести, разве сейчас не зря тратится время? Ведь Савушкин достаточно изобличен. Что может дать какой-то волос, пара горелых спичек или окурков? Улик и без того множество, что же нам еще надо?

Не отвечая, Гончаров взял со стола линейку, измерил волос в длину.

— Ишь ты, какой длинный, — сказал он, — двадцать девять сантиметров! — Только после этого майор посмотрел в мою сторону. — Значит, по-вашему, осталось совсем немного? Так сказать, поединок, лицом к лицу, кто кого? Я же вам говорил, что наша романтика состоит из множества малоинтересных, но обязательных деталей. И то, что вы сейчас называете ненужной тратой времени, возможно, даст ответ на еще не решенную задачу.

— Не решенную? — удивился я.

Гончаров промолчал. Закончив исследования, он уложил волос в пакет, спрятал лупу и сказал:

— Ну что же, друзья, кое-какими новыми данными мы обогатились. По структурному строению это волос человека и, судя по его длине, принадле-

жит, вернее — принадлежал, женщине. Итак, мы знаем, женщина курит и красит губы помадой ярко-морковного цвета. К этому теперь мы можем добавить, что она крашенная блондинка и носит короткую прическу.

— Откуда вы все это узнали? — недоверчиво спросил я.

— Не хитрое дело. Для этого даже не обязательно быть парикмахером, я уже не говорю — Шерлоком Холмсом. Дело в том, что обычно волос к своему окончанию постепенно утончается и имеет иглообразный вид. Иногда вершина его расщепляется, как говорят судебные медики, «метелочкой». А так как у этого волоса окончание ровное, следовательно, волос обрезан и, вероятней всего, острижен ножницами.

— Но, может быть, он не острижен, а женщина случайно оборвала его, поправляя прическу? Может такое случиться? — не сдавался я.

— Нет, не может. Если волос оборвать, то место разрыва будет не ровное, а ступенчатообразное. Окончание волоса успело несколько зашлифоваться, надо полагать, стриглась эта женщина не менее двух-трех недель назад. Это уточнит специалист.

— А как вы установили, что это крашенная блондинка?

— Очень просто. Весь волос светлый, а у корня темный. За время, прошедшее после стрижки и окраски, волосы отросли, и корни имеют естественный цвет.

— Однако еще неизвестно, чей это окурок и чей волос. Может, и то и другое принадлежит жене

профессора или вообще попало в машину случайно, — сказал я.

— Проверим, — спокойно ответил Гончаров. — Наша обязанность не отвергать никаких предположений, пока не будет доказано, что они неверны. Кстати, вы видели когда-нибудь завитую женщину после купанья или попавшую под дождь?

— Видел, — ответил я, не понимая смысла вопроса. — А при чем здесь...

— Тогда вы, очевидно, заметили, что при перманенте мокрые волосы вьются мелкими кудряшками.

— Как у барашка, — улыбнувшись, добавила Коваленко.

Я вынужден был признаться, что до сих пор не обращал на это внимания. Гончаров продолжал:

— При других способах завивки волосы, наоборот, от воды расправляются и висят как солома. Если волосы вьются от природы, то они остаются без изменения. Так вот, положенный в блюдо с водой волос или завьется, или выпрямится, или останется без изменения. Таким образом, мы можем узнать, какую прическу носит наша незнакомка.

— Давайте сделаем этот эксперимент, — предложил я, хотя, признаться, мне и без того все уже было ясно.

— Ваше мнение, Вера Анатольевна? — спросил Гончаров.

— Вообще-то всякие испытания и эксперименты с вещественными доказательствами должен делать только эксперт. Их надо протоколировать, но дело у нас срочное, время не ждет, давайте. Потом

составим соответствующий акт. Отвечать вместе будем.

Принесли блюдечко с водой. В торжественной тишине волос был опущен в воду и свернулся в колечко.

— У нее перманент! — воскликнул я.

— Правильно. Видите, сколько мы узнали о нашей незнакомке по одному только волосу! Теперь нам ясно, что Савушкин возил в машине женщину. Мало того, мы можем сказать, что возил он ее не далее чем вчера, судя по свежести окурка и помады. Конечно, не исключена возможность, что жена профессора Кадомцева курит и красит губы яркой помадой и что именно она была в машине.

— По-моему, это исключено, — вмешался Дроздов. — Если бы Савушкин возил вчера жену профессора, он сам сказал бы нам об этом. Зачем ему скрывать?

— Логично, — одобрил майор.

На пороге комнаты появилась Зайцева и доложила, что приехал профессор Кадомцев. Это было очень кстати. Все мы перешли в кабинет Дроздова, куда секретарь пригласила профессора. Мы увидели невысокого роста, средних лет мужчину в очках, одетого в модный, заграничного покроя костюм, чисто выбритого и надушенного.

— Мне нужен товарищ Коваленко, — отчетливым, хорошо поставленным голосом произнес он. — Я Кадомцев.

После того как Коваленко познакомила профессора со всеми нами, она сказала:

— Очень жаль, товарищ Кадомцев, что мы отнимаем у вас драгоценное время, но чрезвычайные

обстоятельства, так сказать ЧП, вынуждают это сделать.

— Чем могу быть полезен? — сдержанно отозвался профессор. У него были быстрые поблескивающие глаза.

— Нами задержан ваш шофер Савушкин по обвинению в совершении убийства с целью ограбления.

Профессор был поражен. Он вынул очки, надел их, тут же снял и положил в карман.

— Это невероятно! Он, что же, задавил кого-нибудь?

— Нет, — ответила Коваленко и, в свою очередь, задала вопрос: — Вы никогда не видели у Савушкина оружия?

— Что вы! Откуда оно у него? Оружие, убийство... Я бы поверил еще, что он использовал машину не по назначению, но оружие? А впрочем, не знаю, не знаю. Но тогда позвольте спросить, почему он не ограбил меня? — Профессор пытливо оглядел всех нас. — У меня бывают с собой изрядные суммы.

Профессор снова достал очки, подышал на них, протер платком и надел.

— Скажите, кто, кроме вас, пользуется машиной? — вступил в разговор майор Гончаров.

— Никто не пользуется, — растягивая слова, ответил Кадомцев. — Это персональная машина и закреплена лично за мной. А что, разве задержан еще кто-то?

— Нет, нет. Пока один Савушкин. Однако нами точно установлено, что не далее как вчера вашей машиной пользовалась какая-то женщина.

— Женщина? Странно! Моя жена больше месяца как уехала в Крым и вернется не раньше, чем через две недели. Впрочем, она редко ездит со мной. У нее свои дела.

— Может быть, кто-нибудь еще пользуется? — добивался Гончаров.

Кадомцев, не раздумывая, твердо ответил:

— Нет, никто не пользуется. В этом нет необходимости. Для сотрудников института имеется разгонная. Может быть, жена Савушкина?

Мы переглянулись. Действительно, странно, что никто до сих пор не вспомнил о жене. А ведь проще всего предположить ее соучастие. Кстати, об этом говорил комиссар. Если она была в машине, тогда сразу становится понятным поведение Савушкина, упорно не желающего говорить правду.

Гончаров пожал плечами и ответил:

— Возможно. Проверим. У меня к профессору вопросов больше нет. Как у вас, товарищи?

Вопросов не оказалось ни у Коваленко, ни у Дроздова.

— Невероятная история! — проговорил Кадомцев, вставая. — Невероятнейшая! Прошу вас, если понадобится, вызывайте. Рад буду оказать помощь милиции.

— Большое спасибо, — поблагодарил Гончаров, провожая его до двери. — Кстати, еще один вопрос. Ваша жена курит?

Кадомцев с удивлением посмотрел на майора и ответил коротко и резко:

— Не курит, не курила и никогда не будет курить. Терпеть не могу курящих женщин! — Он сдержанно поклонился и вышел из кабинета.

— Серьезный товарищ! — шутливо заметил Дроздов.

Гончаров ничего не ответил. У него был озабоченный вид.

— Как видите, вопрос о неизвестной блондинке, разъезжающей в машине Кадомцева в день убийства, стал еще острее, — сказал он. — На который час, товарищ капитан, вы вызвали жену Савушкина?

Дроздов посмотрел на часы.

— Она должна быть уже здесь. Вера Анатольевна просила, чтобы вызов свидетелей проходил бесперебойно.

И, словно в подтверждение его слов, вошедшая Зайцева доложила:

— Пришла гражданка Савушкина.

ГЛАВА V

Неожиданный вывод

Гончаров обернулся к двери и застыл в ожидании.

— Она или не она? — тихо проговорила Коваленко.

В кабинет нерешительно вошла высокая, смуглая, цыганского типа женщина лет двадцати семи, в яркой пестрой блузке. Женщина шла боязливо, держа перед собой в руке паспорт и повестку. И сразу, словно по команде, на лицах присутствующих появилось выражение разочарования. Не она!

Только я был спокоен. Для меня все было ясно с момента знакомства с самим Савушкиным.

— Садитесь, Мария Николаевна, — приветливо обратился Гончаров к посетительнице, заглянув в ее паспорт. — Вы работаете?

— Работаю... На ламповом заводе. Вам справку принести?

Она нервно откинула со лба локон иссиня-черных волос.

— Нет, не надо. Вы сегодня выходная?

— В вечерней смене я с сегодняшнего дня. Была в ночной. А в следующую неделю с утра работать буду. Товарищ начальник, скажите, что с мужем? Ведь его с утра как вызвали, до сих пор нет. Неужели арестовали? За что?

— Видите ли, — ответил Гончаров мягким, чуть глуховатым голосом, — вашего мужа задержали, чтобы выяснить некоторые обстоятельства. Против него есть серьезное подозрение. Но вы не волнуйтесь. В жизни всякое бывает. Разобраться надо.

Савушкина доверчиво посмотрела на майора и тяжело вздохнула.

— Конечно. Разобраться следует. Только тихий он у меня, не буйн, и жизнь его мне хорошо известна, вроде как на ладони вся. Ничего такого я за ним не замечала. Правда, к выпивке тяготение имеет.

— Что делал ваш муж вчера вечером? — прервала ее Коваленко.

— Не знаю. А что случилось-то?

— Где он был?

— На работе, должно быть.

— Куда он ездил вчера, вы знаете?

— Нет. А он сам-то что говорит?

Неожиданное происшествие, видимо, сильно на-

пугало Савушкину. Она держалась напряженно, отвечала кратко, точно боялась необдуманным ответом повредить мужу. Казалось, ни Коваленко, ни Гончаров не замечали состояния посетительницы. Они продолжали не спеша задавать вопросы. Их доброжелательный тон постепенно внушил Савушкиной доверие. Женщина успокоилась и стала разговорчивее.

— Да, муж действительно собирался к своей тетке, может, и был у нее, не знаю. Вчера ввалился домой часов в десять вечера без кепки, где-то посеял. Усталый, больной, все стонал: «Маша, голова трещит, есть ничего не буду — тошнит». Дала я ему тройчатку, он завалился спать. Когда ушла на работу, он спал.

— Муж был пьян?

— Я бы не сказала. Не особенно. Вообще-то он любит выпить. Может, пока домой шел, протрезвился. Он знает, что я смерть не люблю, когда он пьяным приходит.

Гончаров достал портсигар и протянул Савушкиной.

— Курите?

Она покачала головой.

— Не занимаюсь.

Гончаров тоже не стал курить и отложил папиросы.

— А что за деньги мы обнаружили в сапоге у вашего мужа? — спросил он.

Савушкина раздраженно повела плечами.

— Черт его знает, откуда он взял их! Мне дворничиха сказывала. Ее позвали, когда обыск был. Ума не приложу!

— Значит, вы не все знаете о вашем муже. Вот и об этих тридцати рублях тоже. А сумма не маленькая...

— Тридцать рублей, — возмущенно повторила Савушкина. — Да откуда же он взял их?

Ее удивление было искренне.

— Откуда он их взял? — повторил майор. — Этого и мы добиваемся от него.

По лицу Савушкиной пошли красные пятна, и она с возмущением проговорила:

— Леший вас разберет, мужчин! Кажется, все знала — и куда ходит, и что делает, — и нате же вам! Что ж это такое происходит?

— Вы не волнуйтесь, — успокоил Гончаров. — Все выясним и вам обо всем расскажем, в том числе и о деньгах.

— Не в деньгах дело, товарищ начальник. Утаил. Я в жизни теперь ему этого не прощу: скрыл, от жены скрыл! — Савушкина всхлипнула и вытерла глаза.

Последующий допрос не дал ничего нового. Примерно через полчаса она посмотрела на часы и сказала:

— Пятый час. Можно идти мне? Как бы не опоздать на работу.

— Еще один вопрос. Могли бы вы узнать кепку вашего мужа?

— Кепку? Ту, которую он потерял? Конечно. Кепку мы с ним вместе покупали. Коричневая, шевиотовая, под цвет костюма. Он, знаете, не любит, когда верх на кепке поднимается, все выбирал, чтобы покрепче кнопка была. А кнопка скоро

испортилась, и я сама черными нитками закрепила верх.

— Будьте добры, посидите в соседней комнате, — попросил Гончаров Савушкину. И когда она вышла, распорядился: — Товарищ капитан, найдите несколько кепок и покажите гражданке. Пусть отыщет среди них кепку мужа. Не забудьте пригласить понятых.

Дроздов привел двух пожилых женщин — дворничиху соседнего дома и бухгалтера жилищно-эксплуатационной конторы. Остановившись у двери, женщины оглядели присутствующих, и одна, побойчее, спросила:

— Зачем понадобились?

— Проходите, товарищи, проходите. Товарищ Жемальдинова, прошу, — Дроздов разложил принесенные кепки на подоконнике, незаметно положив к ним кепку, найденную Кедровой. Разъяснил понятным, для какой цели их пригласили, и попросил Савушкину войти.

— Вот она, — уверенно сказала Савушкина и взяла кепку, принесенную Кедровой. Перевернув ее, она показала на подкладке место, прошитое черными нитками. — Я же говорила вам, сама ее покупала, сама ремонтировала. Откуда она у вас?

— Нам ее принесли, — сказала Коваленко и встала. — Ну что же, задерживать вас долго не будем. Минут десять, не больше. Нужно составить протокол. Если понадобится, дадим справку, что вы были вызваны в качестве свидетельницы.

Скоро все было закончено и понятые отпущены. Савушкина поднялась со своего места, но, дойдя до двери, остановилась и, обернувшись к Гончарову, спросила:

— Товарищ начальник! Передачу-то можно мужу сделать? Он, наверно, голодный.

— Не беспокойтесь, — ответил Дроздов, — его накормили.

Савушкина ушла.

Дроздов собрал с подоконника кепки и унес их. Кепку Савушкина Коваленко бережно завернула в газету, перевязала суровыми нитками и взяла с собой.

И снова в который раз я подумал о том, что все последние встречи и допросы не нужны, что они только замедляют расследование. Чего греха таить, подумал я и о том, что мой первый день делового

контакта с милицией особыми результатами не блещет. Я подошел к Гончарову, курившему возле окна, и встал рядом. Помолчав, заметил:

— Нарастает, как снежный ком.

Гончаров обернулся ко мне:

— Не понимаю!

Я пояснил:

— Улики против Савушкина нарастают, как снежный ком.

Майор поморщился.

— Неудачное сравнение.

— Почему?

— Чересчур быстро нарастают, — сказала за Гончарова вошедшая в кабинет Коваленко, — чересчур быстро.

— Вы недовольны? А мне кажется, что Савушкину теперь ни за что не отвертеться от суда. — Я посмотрел на Гончарова, зашагавшего по комнате. — Почему вы молчите, товарищи? Вы не согласны со мной?

Вошел Дроздов. Увидя нас, стоящих посреди кабинета, он поочередно с удивлением оглядел каждого.

— Дело в том, — Гончаров вначале говорил медленно, словно раздумывая, потом решительно закончил: — Дело в том, Вера Анатольевна, — он обернулся к Коваленко, — что, по моему глубокому убеждению, Савушкина следует отпустить. Он скорее всего не только никого не убивал, но даже и не был на месте преступления. Сейчас я это постараюсь доказать.

Щедрые пассажиры

В комнате наступила тишина. Отчетливо стали слышны раскаты далекого грома. Снова приближалась гроза. В открытое окно с дуновением ветра влетела маленькая желтоватая бабочка и закружилась под потолком. Дроздов, стараясь не шуметь, прошел к письменному столу, сел возле него, да так и замер, как бы ожидая дальнейших разъяснений со стороны майора.

Коваленко молчала. Ждала. Мне показалось, что я ослышался, и не утерпел, что бы не вмешаться снова:

— Извините, товарищ майор, что я снова влезаю в ваш разговор. Но мне показалось, что вы предлагаете освободить Савушкина. А разве это допустимо, чтобы убийца гулял на свободе?

Вероятно, на моем лице был написан такой испуг, что Гончаров подошел ко мне и улыбнулся.

— Вы правы, освободить преступника — это все равно, что самому совершить преступление. Но ведь еще ужаснее держать в тюрьме невинного человека. Не правда ли?

— Это Савушкин-то невинный человек?

— Не спорю, поведение его странное, не внушает симпатии, и все же я убежден, что он не грабитель и тем более не убийца.

— Позвольте! Но факты говорят обратное. Совершено убийство. На месте преступления находят кепку, принадлежащую преступнику, находят деньги.

— Знаю, все знаю, — прервал меня Гончаров, — и кепка, и пулевая пробоина в машине, и кожаная куртка. И я вам очень благодарен за горячее и искреннее участие в наших делах и переживаниях, но не спешите делать заключение. Не следует горячиться...

— Действительно, меня и раньше смущало одно обстоятельство, — заговорила Вера Анатольевна. — Все складывается так, что убил бухгалтера Савушкин. И улики и показания против него. Но я не могу понять, откуда он мог знать, что бухгалтер сам понесет деньги в банк. И потом, какой преступник поедет на такое «дело», как убийство, в своей машине, да еще не сменив номера? Это же безрассудно. А вместе с тем если Савушкин не убивал, тогда зачем он врёт? К чему он придумал свою тетку, какого-то мальчика с камнем? И, наконец, показания Кедровой. Она твердо заявила, что видела, как кепка слетела с головы — слетела, а не подброшена.

— Вот, вот! В этом-то все дело, — словно обрадовался Гончаров. — Кедрова — хороший, честный человек, и я уверен, что все происходило именно так, как она здесь рассказывала. Но Кедрова заблуждается: не видела она, как кепка упала с головы.

— Позвольте, — вмешался я, — но ведь она не слепая. Как вы можете оспаривать показание свидетеля, очевидца?

— Не только могу, но в данном случае обязан, — возразил майор. — Ничего Кедрова не видела и не могла видеть.

— Откуда это вам известно? Ведь нас с вами там не было, а она была.

Гончаров усмехнулся.

— Скажите, видели ли вы когда-нибудь, как слетает с головы кепка?

— Конечно, видел. От ветра слетает.

— Кепка от ветра? Не путайте со шляпой. Чтобы кепка слетела от ветра, надо, чтобы она почти не держалась на голове. Нет, кепка так просто от порыва ветра, да еще из закрытой машины, не улетит. Вы представьте себе автомашину «Волга». Вспомните, как малы боковые окошечки в кабине у шофера. Чтобы у него ветром сорвало с головы кепку, ему надо на полном ходу высунуть голову в окно. И это на крутом повороте из Гороховского переулкa в Малый Демидовский. Я вас спрашиваю, как Кедрова могла видеть это, когда сама говорит, что стояла с правой стороны машины?

— Да, — подхватил Дроздов, — свидетельница даже рукой показывала, как машина проехала мимо нее.

Гончаров закурил и, разгоняя клубы табачного дыма, прошел и сел в кресло.

— А место шофера, к вашему сведению, находится с левой стороны. Что же выходит? Шофер бросил педали управления, на ходу передвинулся на правое сиденье и высунул голову в окно. Не мог же он головой дотянуться со своего места до правого окна. Абсурд! Просто Кедрова услышала выстрел, испугалась. Мимо нее на большой скорости промчалась машина, и на мостовой свидетельница увидела кепку. Воображение подсказало ей, что

кепка упала с головы шофера. Что поделаешь! Иногда самые правдивые и добросовестные свидетели могут ошибаться.

— Однако, — начал я, но Гончаров перебил меня:

— Кепка не упала. Ее подбросили. Подбросили умышленно, недалеко от места преступления, рассчитывая, и правильно рассчитывая, что кто-нибудь ее поднимет и отнесет в милицию. Этого намерения у преступника раньше, возможно, и не было, но когда он увидел бегущего милиционера, услышал выстрелы, то он понял, что машина замечена, и решил, что номер ее установлен. А коли так, он сделал все, чтобы усилить подозрение, падающее на шофера. Хитрый, хладнокровный мерзавец! Убийца был одет в черную кожаную куртку, потому что маскировался под шофера, и своей цели достиг. Все свидетели прекрасно запомнили черную кожаную куртку. Преступник хотел этим направить следствие по ложному следу, полагая, что мы начнем искать хозяина машины и, конечно, найдем Савушкина. Действительно, куда деться Савушкину? Машина его. Кепка его. Кожаная куртка тоже его. А след пули на кузове его машины только увеличил число улик. Все против! Ловко! Преступнику важно выиграть время. В этом кроется его хитрый расчет. Таковы мои доводы, — обратился Гончаров к Коваленко.

— С ними трудно не согласиться. Вы очень четко сформулировали и мои сомнения, и все же надо тщательно проверить. Одно бесспорно, — продолжала Вера Анатольевна, — мы не вправе придерживаться формального метода в оценке

фактов. Против Савушкина действительно много улик. И если мы не задумаемся над тем, как они возникли, станем их рассматривать изолированно друг от друга, получается какая-то бессмыслица.

— Верно! — воскликнул Гончаров. — Вот вам, товарищ писатель, и теоретическое обоснование моего вывода. Именно потому, что против Савушкина так много улик, именно потому, что Савушкин с первого взгляда кажется избалованным, эти улики приобретают новое качество и обнаруживают нарочитость и подтасованность. Однако, — продолжал он, — работы впереди у нас действительно много. Только бы выйти из тупика.

— Попрошу вас, товарищ капитан, — обратилась Коваленко к Дроздову, — распорядитесь, чтобы сюда доставили Савушкина, и выясните, пожалуйста, почему так долго нет заведующего столовой Никитина.

— Ему уже три раза звонили, — ответил Дроздов, — отвечают, ушел с работы утром и никто не знает, где он сейчас.

— Ему известно, что мы его ждем? •

— Конечно. Я сам с ним говорил, он обещал быть у нас к двенадцати часам.

— Безобразие! — недовольно заметил Гончаров.

Дроздов вышел из комнаты, тут же вернулся и неожиданно предложил:

— Товарищи, давайте сделаем маленький перерыв. Подкрепимся немного.

С помощью Зайцевой Дроздов принес тарелки с бутербродами, большой алюминиевый чайник, стаканы с блюдами, сахар и печенье.

— Угощайтесь, — гостеприимно пригласил он. — Когда еще домой попадете!

За полчаса все было съедено, посуда убрана, и в кабинет ввели Савушкина. Он вошел угрюмый, наспуленный.

— Идите сюда, Савушкин, — добродушно, как старого знакомого, подозвала его Коваленко, — садитесь здесь, поближе к нам. Вот так. Ну, а теперь расскажите, что все-таки у вас стряслось?

— Ничего не стряслось, — тоскливо ответил Савушкин. Искося поглядел на Коваленко и опустил голову.

— Где же вы потеряли кепку? — спросил Гончаров.

— Не знаю. Ничего не знаю. Только никого я не убивал, и в мыслях у меня такого не было.

— Вы говорите, что не убивали. Допустим. Но человек убит, и убийца был одет в кожаную черную куртку.

— Я своей куртки никому не давал.

— Возможно, но стрелял человек, одетый, как вы, в черную кожаную куртку.

— Не знаю такого.

— Вы утверждаете, что ни в кого не стреляли, но ведь кто-то стрелял. И этот кто-то был на вашей машине. Может быть, вы ее кому-нибудь давали, одолжили на время? А, Савушкин?

Савушкин широко раскрытыми глазами смотрел на следователя. Видимо, какие-то неожиданные мысли возникли у него. Еще не вполне осознанное подозрение, смутная тревога овладели всем его существом.

— Я никому машину не давал, — едва внятно произнес он.

В этом чуть слышном ответе можно было уловить что-то новое не столько в смысле произнесенных слов, сколько в интонации.

— Значит, кто-то мог пользоваться машиной без вашего позволения... — И внезапно: — Кто эта рыжая бабенка, в завитушках, которую вы возили вчера?

Савушкин в изумлении уставился на майора.

— Ну, говорите, кто она такая?

— Не знаю.

— Вы ее раньше когда-нибудь видели?

— Нет.

— Откуда же она взялась? Ну, что вы молчите?

— Так это же совсем другое дело.

— Вы рассказывайте, а мы уже сами разберемся, другое это дело или то же самое.

И тут Савушкин, заикаясь, отрывисто, несвязно стал рассказывать:

— Дело такое... Выехал я из гаража. Заправил машину у бензоколонки. Поехал. Думал к тетке в Клин съездить. Свободного времени много... У Кировских ворот на перекрестке у светофора, машина задержалась. Подбегает ко мне мужчина и говорит: «Двадцатка в зубы, вези за город, быстро». Смотрю, рядом с ним эта самая, в завитушках. И я, товарищ начальник, согласился их везти. Что виноват, то виноват, государственная машина. Не имел никакого такого права.

— Ладно, ладно, рассказывайте дальше.

Савушкин поднял голову, провел языком по сохнувшим губам и попросил воды. Коваленко налила из графина и подала ему. Он жадно отпил несколько глотков.

— Посадил я их в машину и погнал через Комсомольскую площадь, прямо в Сокольники. На Красносельской они попросили остановиться у магазина. Купили вина, закуски, поехали дальше. Выехали в лес. Выбрали место поукромнее, вышли из машины. Стали пить, закусывать. Поднесли мне. Отказывать неудобно. Выпил два раза по двести. В общем, конечно, не имел права. На работе. Но организм у меня крепкий, не хмелею, а тут что-

то мне стало не по нутру. Враз опьянел. Все поплыло в глазах, почувствовал слабость, прилег на траву, и больше ничего не помню. — Савушкин допил стакан и сказал: — Все, товарищ начальник.

— Как все? — спросил Гончаров. — А куда же эта парочка делась?

Савушкин глубоко вздохнул и, как бы решившись открыть последнюю тайну, продолжал:

— Проснулся под вечер, шел сильный дождь, весь промок, тошнит, голова вот-вот развалится. Сейчас тоже трещит. Глянул вокруг — парочки нет. Смотрю, машина на месте, проверил, целы ли права. Порядок. А на сиденье у меня лежит тридцать рублей. Видать, решили на десятку больше дать. Вот и все.

— Когда вы заметили пробойну в машине?

— Приехал в гараж, ставлю машину, мне кто-то кричит: «Эй, кузов ободрал!» Гляжу, точно. Где царапнул, ума не приложу. И как это проехал по городу и меня никто не остановил? Надо думать, дождь помог.

— Что же вы сразу обо всем не рассказали?

— Да мне говорят: «Убийца! Грабитель!» А я никого не грабил, не убивал и от машины не отходил. Ну, а потом побоялся уже насчет этой «левой» поездки рассказывать, решил за Клин держаться... Каюсь теперь...

— Да, вы много здесь напутали. И следствию мешали. А ведь убийца, пока вы тут тянули, не зевал. Вы можете описать наружность ваших пассажиров?

— А чего же... Мужчина высокий, лет двадцати восьми—тридцати, обходительный такой, лицо сим-

патичное, особого ничего нет. Вот только когда водку разливал, заметил я наколку у большого пальца, какое-то имя, а какое — не прочел.

— Как он был одет?

— В серый пиджачок. В общем прилично одет. А женщина? Да вы ее, наверное, знаете. Точно обрисовали: рыжая, в завитушках, так она и выглядит. Яркая такая, лицо круглое, нос — во! — Он пальцем приподнял кончик носа. — Глаза не помню какие, кажется карие. Сначала она много смеялась, а потом чего-то скисла, стала молчаливой. А во что была одета, хоть убейте, не помню, обыкновенно, как все женщины летом одеваются.

— Яснее ясного. Как они друг друга называли?

— Чего не помню, того не помню, ни к чему мне. — Савушкин вздохнул. — Виноват я, «налево» сработал. Только слово даю, никакого преступления не совершал, да и револьвера у меня отродясь не было.

— Мы готовы поверить вам, Савушкин, — сказала Коваленко, — что вы действительно никого не убивали и не грабили, но вам придется объяснить суду, как вы стали пособником грабителей и убийц. Ложь, заpiresательство — все объяснить придется.

— Да я же...

— Ну, это дело суда.

Гончаров быстро поднялся, подошел к Коваленко и о чем-то очень долго советовался с ней.

— А сейчас, — вновь обратилась она к Савушкину, — поедете с сотрудниками милиции, покажете место, где вчера пировали. Вернетесь обратно, отберем подписку о невыезде и отправим домой.

— Домой? Вы меня освобождаете? — дрогнувшим от волнения голосом спросил Савушкин.

— А вы не хотите? — улыбнулся Дроздов. — Не беспокойтесь, когда будете нужны, вызовем.

Гончаров попросил Дроздова не забыть пригласить с собой понятых. Растерянно суетившегося Савушкина увели. Он шел к выходу нетвердой походкой, задевая по дороге стулья.

В кабинете опять наступила тишина.

Я вынул блокнот и сделал кое-какие записи. Закончив, оглянулся. Кроме меня и Гончарова, никого не было. Майор сидел у стола и сосредоточенно набирал номер по телефону.

— Федор Георгиевич, — обратился я к нему, — у меня к вам есть несколько вопросов, не помешаю?

— Нет, нет, — Гончаров опустил трубку телефона.

— Первый вопрос: какое значение представляет для дела, снимался с машины номер или нет? Нельзя же ездить по городу без номера!

— Охотно объясню. Для нас это имеет очень важное, можно сказать, первостепенное значение. Как вы знаете, номер прикрепляется винтами и закрепляется гайками. Допустим, имеются свежие следы отвертывания гаек, например свежая смазка маслом. В этом случае надо предположить, что на машину ставился чужой или фальшивый номер, если, конечно, он не был снят по каким-либо легальным причинам. Для чего ставят фальшивый номер? Чтобы навести на ложный след. В данном случае этого не было, номер не снимался, а ведь

преступление совершено не по мгновенному побуждению, оно подготовлено заранее, заранее обдуманно. Помните, что говорил комиссар? Спрашивается, какой же шофер, если он в здравом уме, поедет на своей машине совершать преступление, можно сказать, среди бела дня, да еще выставит напоказ свой номер? Это же все равно, что показать свой паспорт.

— Однако никто номера не запомнил.

— Чистая случайность! Рассчитывать на нее нельзя, и никто никогда не рассчитывает. Важно другое: преступник не заботился, запомнят номер машины или нет. Ему это было безразлично, он старался лишь сбить следствие с толку, запутать и замести следы. Правильно сказала Коваленко, нельзя улики рассматривать в отрыве от реальной действительности. Кому же понадобилось их нагромождение, кому был выгоден весь этот спектакль? Конечно, человеку, нанявшему машину. Задача преступника ясна — добиться, чтобы подозрение пало на другого, ни в чем не повинного человека. Понятно?

— Вполне! Теперь второй вопрос: вы действительно считаете, что Савушкин не принимал никакого участия в преступлении?

— Пока его показания не противоречат обстоятельствам дела. Давайте посмотрим, что у нас получится, если мы поверим Савушкину.

— Давайте.

— Некто в сером костюме, будем его так называть, тщательно заранее обдумал преступление. Пока нам неизвестно, кто и когда навел его на столовую и на Орлова. Доберемся и до этого. Вче-

ра преступники наняли машину, поехали за город. Некто в сером, угощая водкой, дал шоферу снотворное, дождался, пока тот уснет, надел его куртку, кепку, взял машину и отправился к месту, где встретил Орлова. Совершив преступление и увидев, что за машиной гонится милиционер, убийца выбросил из окна кепку Савушкина. Благополучно вернувшись, он поставил машину на прежнее место и положил на сиденье тридцать рублей, даже превысил договоренную сумму. Это, возможно, тоже сделано с умыслом, чтобы еще сильнее скомпрометировать водителя. Вот версия, которая вытекает из показаний Савушкина. Так, по-моему, и обстоит дело.

— Тогда разрешите третий вопрос. Почему преступник не подбросил шоферские права? Это же было бы еще убедительнее.

— Ну что вы! — Гончаров улыбнулся. — В интересах преступника, чтобы водителя искали подольше. И потом, если еще можно с натяжкой предположить, что кепка, неведомыми путями следа с головы, то удостоверение? Что же оно, выпрыгнуло из кармана? Нет, убийца не так глуп.

Мы еще продолжали обсуждать историю преступления, когда за дверью послышались громкие голоса. Вошли Коваленко и Дроздов с сотрудниками отделения, несшими какие-то свертки. Последним, стараясь не попадаться Гончарову на глаза, вошел Савушкин и сел на стул у стола Дроздова.

— Вот полный джентльменский набор, — сказал Дроздов, осторожно выставляя на стол бутылки в специальных упаковках, предназначенных

для вещественных доказательств. — Здесь — остатки вина, окурки со следами помады. Боюсь только, как бы дождь не испортил на бутылках следы пальцев.

Он вызвал Зайцеву и распорядился оформить отсылку вещественных доказательств на экспертизу в научно-технический отдел.

— Выпито немало. Тут не то что на троих, на десяток хватит, — заметил кто-то из присутствующих.

— Эх, Савушкин! — сказал Гончаров, отыскав его глазами. — Вот до чего пьянство довело — до связи с убийцами и грабителями.

— Не только пьянство, Федор Георгиевич, — добавила Коваленко, — а и нелегальные заработки, «левые» поездки. Одно к одному. И в довершение всего сплошная ложь, попытка запутать следствие.

— Для вас, Савушкин, это тяжелый, но своевременный урок, — продолжал майор. — Запомните, скользкие пути в конце концов неизменно приводят к большой непоправимой катастрофе.

Тот молчал, опустив голову.

— Что же, товарищи, — сказал Гончаров, — из тупика мы вышли. Теперь начнем все сначала. Коваленко согласно кивнула головой.

ГЛАВА VII

Почему уволилась Марчевская

Дроздов вышел из кабинета по срочным делам отделения. Коваленко увела с собой Савушкина, чтобы отобрать от него подписку о невыезде и вернуть документы.

— Федор Георгиевич, — сказал я, — а если Савушкин соучастник, что тогда?

— Не допускаю этого, — возразил майор.

— Хорошо. Но ведь он каждую минуту может вам понадобиться.

Гончаров писал, сидя за столом. При моих словах он отложил ручку, внимательно посмотрел на меня.

— Что же из этого?

Я пожал плечами. По-моему, вопрос был понятен.

— Савушкин совершил проступок, — сдержанно ответил Федор Георгиевич, — его накажут, но он не уголовный преступник, и держать его под стражей, хотя бы один час, — нарушение социалистической законности.

— Значит, его сообщничество вы полностью отмечаете?

— Да. Судя по всему, Савушкин в деле случайная фигура.

— Уж не так-то Савушкин не виновен.

— Что же из этого? Имейте в виду, сомнения всегда решаются в пользу обвиняемого. Этот гуманистический принцип положен в основу советского правосудия. И потом нельзя же в таких делах руководствоваться соображениями удобства для следствия. Каждое наше действие, будь то допрос, задержание, освобождение из-под стражи, — все определено законом. Если хотите, в значительной мере в этом наша сила, авторитет. Мы служим народу и охраняем не только покой и имущество каждого советского человека, но и его права, и народ понимает это и помогает нам. Не все, конечно, но подавляющее большинство. Возьмем, к примеру, Савушкина. Он повинен, и очень повинен, но я уверен, что после сегодняшней встряски, после

того как мы показали ему пропасть, куда он катился, он станет другим человеком. В этом немалое воспитательное значение нашей работы. Я не удивлюсь, — Гончаров улыбнулся, — если узнаю, что Савушкин после сегодняшней встряски станет активным дружинником. Честное слово!

Увы, и этот так интересно начавшийся разговор пришлось прекратить. В комнату вошли Коваленко и Дроздов. Вслед за ними вкатился невысокого роста тучный человек лет пятидесяти с объемистым портфелем в руках. Его красное одутловатое лицо было точно обожжено солнцем. Человеку было жарко, его мучила одышка, и он то и дело вытирал влажный лоб и затылок цветным носовым платком.

— Что же это делается, товарищи начальники! — заговорил он низким, сиплым голосом, одновременно протягивая нам мягкую горячую руку. — Ужас какой! Первоклассная столовая, ни одной жалобы, ни одного замечания, переходящее знамя третий год — и вдруг такое событие! Лучшего работника, замечательного человека убили! Это же кошмар!.. А почему? Ротозейство! Один раз недоглядел, лично не проверил, и вот, извольте видеть, результат! Убили человека, забрали деньги. В бухгалтерии неразбериха. Позор!

Человек не говорил, а бросал фразы одну за другой, ожесточенно вытирая платком потное лицо и голову.

— Товарищ Никитин, почему вы так поздно? Обещали быть в двенадцать, а сейчас сколько? — строго спросил Дроздов.

Никитин развел руками.

— Что я могу сделать? Где только сегодня я

не был! Все вызывают, все ругают — Никитин виноват, Никитин недоглядел, а в чем я виноват? Вчера вечером меня даже в столовой не было, и сегодня с утра в бегах.

— Вместо того чтобы по городу бегать, лучше бы пораньше к нам явились. Мы ведем расследование, а вас нет.

Никитин только горестно махнул рукой.

Коваленко пододвинула ему стул.

— Садитесь, успокойтесь и расскажите, что произошло. Почему Орлов сам понес деньги? Ведь обычно за выручкой приезжает инкассатор?

Директор тяжело опустился на стул, положил возле себя портфель и, вздохнув, заговорил:

— Вчера во второй половине дня, изволите ли видеть, я ушел в горторготдел на совещание. Закончилось оно поздно, на работу я не вернулся. Утром прихожу, мне рассказывают, что вечером Орлова убили и деньги отняли. Спрашиваю, как убили. Какие деньги? Мне говорят: наши деньги, столовой. Стал разбираться. Как? Почему? Оказывается, только я ушел, звонок по телефону из банка. К телефону подошел Орлов. Говорят, что сегодня — вчера, значит, — инкассатор не придет, просят деньги доставить своими средствами. Старшая кассирша идти отказалась, у нее уже несколько дней болела нога. А Орлову все равно идти домой мимо банка, вот он и понес деньги сам. А вскоре как ни в чем не бывало приезжает инкассатор. Ему, конечно, объяснили что к чему, он к телефону, да разве сразу толку добьешься? А когда проверили, выяснили, что никто из банка к нам не звонил.

— Скажите, товарищ Никитин, — спросил Гончаров, — кто из ваших сотрудников мог знать, что Орлов собирался относить деньги в банк?

Никитин наморщил лоб.

— Многие, — наконец ответил он. — Изволите ли видеть, аппарат у меня сработался, люди между собой дружат.

— А кто из ваших работников подходит под такие приметы: мужчина лет двадцати восьми—тридцати, высокого роста.

Никитин уверенно ответил:

— Таких нет. Тридцати лет, говорите? Нет, никого нет.

— Может, все-таки есть? Не торопитесь, постарайтесь вспомнить.

— Я в этой столовой уже много лет, и вы напрасно думаете, что Орлова убил кто-нибудь из моих служащих, — с обидой проговорил толстяк. — У меня мужчин-то раз, два — и обчелся, да и то все пожилые или мальчишки-ученики, а убил Орлова, говорят, какой-то водитель такси...

— Может быть, кто-нибудь из знакомых Орлова подходит под эти приметы? — продолжал настойчиво допытываться Гончаров.

— Орлова я знаю давно. Всех его знакомых по пальцам пересчитаю. Нет, нет, таких не имеется. Эх, если бы что-нибудь узнать или хоть маленькое подозрение иметь! Все бы дела бросил, к вам прибежал...

Гончаров продолжал:

— Многие из ваших сотрудниц курят?

— Как изволили сказать? — не поняв вопроса, уставился Никитин на майора.

— Я говорю, многие ли из ваших сотрудники курят?

— Курят? Да! Некоторые курят.

— Нет ли в числе курящих крашеной блондинки с шестимесячной завивкой?

Никитин растерянно развел руками.

— Женщин у меня много, одних официанток двенадцать, а потом еще поварихи, раздатчицы, хлеборезы, буфетчицы... Курит, говорите... Да, помоему, многие из них курят и делают перманент. Крашеная блондинка... Кто их знает! Надо будет присмотреться. А какая она из себя — толстая, худая, большая, маленькая?

— Не знаю, — вздохнул Гончаров.

— Ах, вот оно что. Вы сами не знаете. Жаль! Очень жаль.

— Значит, вы никого не подозреваете? — продолжал Гончаров.

— Ума не приложу... Ах, какое горе! Вы бы видели, что у Орлова дома делается... Тяжело. Слов нет, как тяжело. — Никитин всхлипнул, но сдержался и торопливо добавил: — Я анкеты всех своих служащих с их фотокарточками прихватил. Подумал, может, понадобятся просмотреть, допросить кое-кого. Мало ли что...

— Вот за это большое вам спасибо! — вырвалось у доселе молчавшего Дроздова.

Никитин открыл портфель, вытащил объемистую папку и протянул ему.

— Я всей душой... Поскорей бы найти... — скороговоркой бормотал он.

Капитан стремительно вышел из кабинета. Я понял, он торопился застать Савушкина, документы

которого, возможно, еще оформлялись в отделении. Сейчас здесь в ближайшие минуты могла наступить развязка. Для этого достаточно было, чтобы Савушкин на одной из фотографий опознал вчерашних пассажиров. Томительно тянулось время. Минут через двадцать Дроздов вернулся. Словно отвечая на наши вопросительные взгляды, он отрицательно покачал головой.

— Забирайте, товарищ Никитин. — Дроздов протянул анкеты. — Интересующего нас человека здесь нет.

— Я так и знал! — обрадовался Никитин. — За своих головой ручаюсь. — Он посмотрел на часы и заторопился: — Мне пора. Надо еще побывать на квартире покойного, да и на работе бог знает что делается...

— Одну минуту! — Коваленко задержала руку Никитина. — Припомните, пожалуйста, не было ли у вас за последнее время случаев увольнения? Может, кто по собственному желанию?

Никитин не дослушал. Он хлопнул себя по лбу и с волнением произнес:

— Запомнил. Совсем запомнил... Она! Конечно, она! Крашеная блондинка. Голова пушистая, в мелких локончиках.

— О ком вы говорите? — быстро спросила Коваленко.

— О Марчевской. О Вале Марчевской. Она, точно она. Пять дней назад Валя взяла расчет... Ни с того ни с сего... По собственному желанию...

— Долго Марчевская у вас работала?

— Года два.

— Вы не знаете никого из ее знакомых?

У Никитина словно перехватило дыхание. Он растерянно оглядел всех нас.

— Вот в том-то и дело. Только сейчас вспомнил. Несколько раз к ней заходил мужчина высокого роста, лет под тридцать, а может, чуток помоложе, ждал, когда она окончит работу, и провожал ее.

«Опять след. Неужели и на этот раз ложный?» — подумал я.

— Опишите подробнее Марчевскую, — попросила Коваленко.

— Марчевскую Валю... Что я о ней могу сказать? Работала у нас буфетчицей. Считалась интересной, симпатичной, — он задумался. — Не очень полная, блондинка, лет двадцати шести. Следит за собой, хорошо одевается. Часто бывает в ресторанах, любит погулять. Но работала быстро, аккуратно. Была замужем, разошлась. Вот так. Словом, дурного ничего о ней не могу сказать. Когда расчет брала, спрашиваю — почему? Говорит, собираюсь замуж, а потом с мужем уезжаем в другой город. Что еще?

Но тут Никитина перебил Гончаров:

— Анкета с фотокарточкой Марчевской сохранилась у вас?

— Должна быть.

— Позвоните, чтобы немедленно принесли. Узнайте попутно ее точный адрес.

— Есть!

Толстяк с юношеской живостью кинулся к телефону, а Гончаров в это время попросил Дроздова еще ненадолго задержать Савушкина в отделении.

Я взглянул на товарищей. Рады ли они такому обороту дела? Лица их были спокойны и сосредоточенны.

— Извольте ее адрес, — сказал Никитин, кладя трубку. — Второй Лихоборский переулок, двадцать шесть, квартира один. Проживает она в квартире Фагурновой — это не то хозяйка дома, не то ее родственница. Анкету и фотокарточку сейчас принесут.

— Спасибо, у меня все, Вера Анатольевна, — поблагодарил Гончаров.

— Извините, еще несколько минут, — задержала Никитина Коваленко. — Пройдемте, я накоротко оформлю протокол допроса.

— Горе-то какое, душа человек был, — сокрушенно вздыхая, Никитин направился к выходу.

Прошло немного времени, и в дверях появился Дроздов. У него было довольное выражение лица.

— Все в порядке, Федор Георгиевич. Савушкин опознал в Марчевской вчерашнюю пассажирку. Буду собирать людей для этой, надеюсь, последней операции?

— Да-а, — протянул Гончаров. — Будем надеяться. Теперь понятно, что уход Марчевской с работы — тоже один из элементов подготовки преступления. Сейчас нужно действовать быстро и осторожно. Если это преступники, то они будут отчаянно сопротивляться, им терять нечего. Не исключено, что, кроме этой парочки, мы можем наткнуться еще на кого-то. Возьмите людей и расставьте их как следует, ну, да вас учить не надо. Предварительно организуйте разведку, выясните,

сколько комнат в квартире, кто их занимает, кто сейчас находится дома. Только предупреждаю, действуйте осторожно, чтобы не вспугнуть.

— Слушаюсь, товарищ майор. — Дроздов вышел.

— Как будто все ясно, — удовлетворенно подытожил я. — Марчевская навела убийцу на Орлова, а следовательно, путь в ее квартиру — это путь...

Гончаров не ответил. Он прошел к столу, позвонил комиссару и доложил о предстоящей операции. Видимо, комиссар дал какие-то дополнительные указания, так как майор по ходу разговора вытащил блокнот и что-то записал.

— Товарищ капитан, — сказал Гончаров вошедшему уже в штатской одежде Дроздову, — комиссар приказал, чтобы кто-нибудь из оперативных работников немедленно выехал в районное отделение милиции по месту жительства Марчевской и получил все имеющиеся сведения о ней и ее хозяйке. Понятно?

— Понятно, товарищ майор. Я поеду сам вместе со старшим лейтенантом Машукиным. Не возражаете?

— Действуйте.

ГЛАВА VIII

Следы в саду

Предстоит опасная операция, — сказал мне майор, осматривая пистолет. — Рекомендую остаться. Приезжайте завтра, мы вам все расскажем.

С этими словами он защелкнул обойму и опустил пистолет в карман.

— Товарищ комиссар разрешил мне быть с вами, — возразил я.

— Он же не знал, что будет опасно. Это, как вы сами понимаете, не спектакль.

— Понимаю и не боюсь.

— Посмотрите, — Гончаров поднял волосы над левым виском и обнажил шрам. — Это я получил в тридцать девятом году. Мне открыли дверь и одновременно послали в меня пулю. Вот сюда, — он нагнул голову и показал рубец на темени, — в сорок втором году во время операции меня ударили железным ломиком, и, наконец, вот сюда, в плечо, угостили пулей тоже во время одной опасной операции.

— Я был на фронте.

Майор усмехнулся:

— Ничего не скажешь, коротко и ясно! Хорошо. Согласен. Но ставлю непременным условием: подчиняться мне беспрекословно.

— Обещаю.

— Едем.

Район, где жила Марчевская, не был центральным районом города. В дореволюционное время его населяли лавочники, кустари, мелкие чиновники. За годы советской власти здесь появились многоэтажные дома красивой архитектуры, новые школы, поликлиники, дома культуры и гордость всего района величественное здание Театра Советской Армии. По широким озелененным улицам ходили троллейбусы и автобусы. Правда, кое-где еще оставались одноэтажные деревянные домики с печ-

ным отоплением, с фикусами на окнах — отживающие памятники далекой старины.

Мы очень скоро добрались до Второго Лихоборского переулка. Одноэтажный деревянный домик стоял за решетчатой оградой. Возле домика был разбит небольшой садик с дорожками и клумбами.

Машина проехала дальше и, завернув за угол, остановилась. Словно из-под земли около нас вырос Дроздов. Открыв дверцу, он наклонился к Коваленко и Гончарову и стал вполголоса докладывать им обстановку. Все мы вышли из машины.

Было около семи часов вечера.

Стояли самые длинные дни. Солнце еще не зашло, но тучи закрыли его, и стало сумеречно.

— Кажется, опять собирается дождь, — сказал я.

Гончаров, не отвечая, напряженно осматривался по сторонам. Коваленко сразу же куда-то ушла.

Переулок был не из оживленных. Прохожие почти не попадались. Майор медленно направился к дому Фагурновой.

При всем старании нельзя было заметить каких-либо приготовлений к операции. Ни суеты, ни людей. На скамейке возле палисадника молоденькая девушка в светлом летнем платье с увлечением читала книгу.

— Она не мешает вам? — шепотом поинтересовался я.

— Кто? — спросил Гончаров, с недоумением взглянув на меня.

— Девушка с книгой?

— Это наша сотрудница, — улыбнулся Гончаров.

Отлучившийся Дроздов снова вернулся и доложил:

— Федор Георгиевич! В доме подозрительная тишина. Кто-то есть, но кто именно, установить не удалось.

— Люди на местах?

— Да, окна, кухонная дверь, чердак — все под наблюдением.

Я внимательно осмотрел дом, но не заметил нигде ни одной человеческой фигуры.

— Что ж, пойдем... Мимо садика, прямо к парадной двери, так, кажется? — Не дожидаясь ответа, Гончаров прошел вперед.

— Разрешите, Федор Георгиевич! — Дроздов понимал, какая им грозит опасность, и хотел первым встретить ее.

— Прошу подчиняться. Идите за мной. А вы, — обратился он ко мне, — оставайтесь здесь.

Они направились к крыльцу дома. Я сказал «хорошо» и... пошел следом.

Приятно было смотреть на этот чистенький маленький домик, окнами выходящий в сад. Нигде ни соринки, ни лишней травы.

Гончаров позвонил. Дверь долго не открывали. Мы молча, напряженно ждали. Наконец послышались чьи-то тихие, осторожные, словно крадущиеся шаги, потом металлический звук сброшенного с петли засова. Дроздов неожиданно рванулся вперед и закрыл собой Гончарова. В то же мгновение дверь отворилась. Перед нами стояла маленькая худенькая старушка с густой сетью морщин на лице и гладко зачесанными седыми волосами.

— Здравствуйте! — вежливо сказал Гончаров,

отстранив Дроздова и бросив на него недовольный взгляд. — Мы к гражданке Марчевской.

— Что вы говорите? — спросила старушка, знаками показывая, что плохо слышит.

— Можно видеть Валю Марчевскую? — громко переспросил Гончаров.

— А вы кто такие?

— Она дома?

— Нет, ее дома нет.

— Куда она ушла?

— Да она, кажется, и не ночевала дома. Вот ее комната.

Старушка указала на одностворчатую дверь. Гончаров вошел в коридор и слегка подергал дверь. Она была заперта.

— Больше никого у вас в квартире нет.

— Никого, — удивленно ответила старушка.

— Можно посмотреть комнату Марчевской из сада: ведь ее окно выходит в сад?

— Конечно, можно. Да только вряд ли вы что увидите.

Старушка оказалась не любопытной, но словоохотливой. По пути в палисадник она успела рассказать, что дом и садик принадлежат ей, что она получает пенсию и живет здесь всю свою жизнь, вот уже 82 года, а одну комнату занимает Валя, ее дальняя родственница.

Мы сошли с крыльца, и старушка открыла маленькую зеленую калитку, ведущую в миниатюрный сад. Однако не успели мы сделать и нескольких шагов, как Гончаров, шедший впереди, внезапно остановился.

Ничего не понимая, я с удивлением взглянул

на майора. Он пристально смотрел на дорожку, лицо его стало мрачным. Таким я его не видел еще ни разу. Он подозвал Дроздова и сказал:

— Странные следы. Дело, кажется, осложняется. Не подходите! — крикнул майор, видя что я сделал движение по направлению к нему. — Если уж вам хочется посмотреть, сойдите с дорожки вот сюда, на цветник. Хозяйка простит нас, но на дорожку не переходите, не затопчите чужих следов и не оставьте ваших.

Я перешел на газон и, внимательно всмотревшись, тоже увидел следы ног человека, разорванной цепочкой протянувшиеся по мягкой глине. Это были следы мужской обуви, и вели они к закрытому окну Марчевской, теряясь в мутной луже, не просохшей еще после ночного дождя.

Так мы стояли маленькой группкой, не двигаясь с места, пока Гончаров, как бы очнувшись от оцепенения, не стал пробираться к окну, придавливая яркие, выращенные заботливой рукой цветы. Он шел, не отрывая глаз от глинистой дорожки, временами останавливаясь, опускаясь на корточки, будто желая запечатлеть эти следы в памяти. С такой же тщательностью, обходя лужи, Гончаров осмотрел окно и, удостоверившись, что оно закрыто, вернулся к нам.

— Пройдемте в дом, придется вскрывать дверь, другого выхода нет, — приказал Гончаров. — Хозяйка, — обратился он к Фагурновой, — может быть, у вас найдется ключ от комнаты, чтобы не ломать дверь?

— Я сейчас посмотрю. — Встревоженная старушка опрометью бросилась в свою комнату.

Гончаров тщательно осмотрел ручку, замок, заглянул в щель, но, по-видимому, ничего не обнаружил. Вернулась хозяйка и протянула связку ключей. Майор внимательно осмотрел их и отобрал один.

В двери мягко щелкнул замок. Гончаров медленно потянул дверь на себя и остановился.

— Что там? — нетерпеливо спросил я.

Несколько секунд Гончаров стоял на пороге чуть приоткрытой двери. Из-за его спины нельзя было ничего увидеть.

— Что? — воскликнул я, чувствуя, как сжалось сердце.

— Мертва, — ответил майор, закрывая дверь комнаты. — Не надо входить туда, пусть покамест все остается так, как есть.

Он вышел из дома и направился к стоявшей в отдалении милицейской машине, чтобы сообщить о случившемся по радиотелефону.

ГЛАВА IX

Дверь закрыта изнутри

Мы ехали к Марчевской, надеясь, что проникли в тайну убийства Орлова. Казалось, все предвещало скорое окончание расследования, и вот столкнулись с новой драмой, с новой загадкой, с новым неожиданным препятствием.

Вернувшись, Гончаров предложил Дроздову снять посты.

— Я это уже сделал, — ответил капитан.

— Отлично! Пожалуйста, передайте Вере Анатольевне, она допрашивает Фагурнову, что я уже вызвал судебного эксперта.

Гончаров откинулся на спинку старинного плюшевого кресла, устало потянулся, но тут же встал, потер лоб, голову, взлохматил волосы. Считая, видимо, достаточной эту встряску, он подошел к большому старинному зеркалу в золоченой раме, причесался и достал папиросы.

— Вы много курите, Федор Георгиевич. Это вредно, — заметил я.

— Вредно! — согласился Гончаров и сделал сильную затяжку.

— Федор Георгиевич, скажите, что случилось с Марчевской? Почему она так, сразу?

Гончаров затянулся, медленно выпустил дым и стал старательно сдувать с плюшевой скатерти кашку-то пылинку.

— Ничего нельзя утверждать, пока не будут произведены осмотр и судебно-медицинская экспертиза. Однако полагаю, что и здесь убийство.

— Но каким образом, находясь в садике, вы что-то заподозрили? Неужели по следам на дорожке?

— Да, по следам.

— Тогда, значит, кто-то влез к Марчевской в комнату?

— Влез, вылез... Пока ничего утверждать не могу. Сейчас мы все узнаем точно, — майор встал и пошел навстречу входящим в комнату врачу, сотрудникам милиции, прибывшим со служебной собакой, фотоаппаратами, осветительными приборами.

Сзади, стараясь тихо ступать, с серьезными, торжественными лицами шли понятые, двое пожилых граждан: мужчина в защитном кителе без погона и высокого роста, худощавая, черноглазая женщина.

Появилась Коваленко, и все сразу же направились в комнату Марчевской. Зажглись яркие лампы, начался осмотр и фотографирование.

Вскоре приехал заместитель прокурора города — плотный мужчина с большой лысиной, в форме советника юстиции. Пробыв в комнате убитой минут тридцать, он вышел обратно и, приняв меня за сотрудника милиции, попросил пригласить к нему квартирохозяйку. Я пошел на кухню, где в ожидании возвращения Веры Анатольевны возле окна сиротливо притулилась заплаканная старушка, и передал ей просьбу.

При появлении Фагурновой прокурор встал, придвинул ей стул и, дождавшись, когда она села, опустился в кресло напротив нее. Почти следом вошла Вера Анатольевна и протянула прокурору начатый протокол. Он поблагодарил, пригласил Веру Анатольевну сесть рядом, пробежал глазами записанное и обратился к Фагурновой с просьбой рассказать, как давно проживала в этом доме покойная и что известно о ее жизни.

Старушка стала рассказывать. Она нередко отвлекалась воспоминаниями о давно уже умерших близких ей людей, о детских годах Марчевской, вздыхала и причитала.

Прокурор слушал, не поправляя и не подсказывая просившихся слов, когда та в затруднении останавливалась.

— Приблизительно полгода тому назад появился этот Вадик, — рассказывала Фагурнова, — Дима, Вадим, по-разному его Валя звала. А фамилия вроде Грачев. Точно, Грачев. Валя еще смеялась, что теперь ее Грачихой дразнить будут. Ох, лучше бы его совсем не было!..

— Почему? — поинтересовался прокурор.

— Изменилась Валюша, как с ним познакомилась. Очень изменилась. Так, собой он ничего, приятный, обходительный. Меня все бабусей да бабусей звал. А Валю вроде как подменили. Раньше мы жили тихо, спокойно, а за последнее время забежит она ко мне, поплачет, повздыхает, чувствую, что хочет мне довериться, да все не решается. «Валля, — говорю, — что у тебя на сердце?» А она только рукой махнет, слезами зальется. «Боюсь я его, — говорит, — тетя Саша, не думала, не гадала, что у меня так жизнь сложится». Да я и сама замечать стала... Тихий-то он тихий, вежливый, а она его пуще смерти боялась.

— Где он живет, где работает?

— Не знаю. Ничего мне Валя про то не говорила. Только начну о нем спрашивать, она насупится, губы задрожат, побледнеет, махнет рукой и уйдет к себе.

— Грачев помогал Марчевской деньгами?

— Да что вы! — старушка горестно закачала головой. — Какие деньги, батюшка? Раньше-то, до Вадика, Валюша жила хорошо, а как он появился, стала жаловаться на трудности. Как пиявка, он у нее все вытягивал.

— Вы отказались присутствовать при осмотре в комнате Вали, — с легким упреком заметил про-

курор. — Я понимаю, это очень тяжело. Но нужно. Вы одна могли бы сказать, каких вещей там не хватает.

— Я после найду, когда ее увезут. Мне страшно, — старушка заплакала.

Прокурор помолчал немного и спросил:

— Не знаете, сколько Грачеву лет?

— Лет тридцать, а может, и меньше.

— У него есть какая-нибудь специальность?

— Валя говорила, хороший шофер.

— Какой он из себя?

— Да вроде ничего. Высокий, здоровый, не то чтобы красивый, но ничего.

— А как одевается?

— Скромно одевается, чаще всего на нем пиджачок серый, всегда при галстуке.

Коваленко поднялась и попросила разрешения справиться о Грачеве в адресном бюро.

— Кто еще проживает в вашей квартире? — спросил прокурор.

— Никто, мы вдвоем.

— Когда Вадим был у Вали в последний раз?

— Вчера.

— Когда ушел?

— Не слыхала я. Наверное, поздно. Я спать легла.

— Сколько ключей у вас от комнаты Марчевской?

— У Вали один ключ. Другой находится у меня. Я недавно отдала его.

— Кому? — поинтересовался прокурор.

— Майору Гончарову, — пояснил я.

Фагурнова снова всхлипнула и поднесла к лицу

мокрый от слез платок. Прокурор подождал, пока старушка успокоится, и спросил:

— Как запирается наружная дверь?

— Парадную я запираю на дверной ключ, а на ночь, да и днем иногда, держу на засове. У меня хороший, крепкий засов, еще покойный муж сделал. Иногда цепочку набрасываю.

— Значит, сегодня утром дверь оказалась отпертой?

— Нет, — удивилась старушка. — Дверь на засове была. Утром гляжу — Валя не встает. Стучу к ней — молчит. Потом смотрю, наружная дверь заперта, засов на месте. Подумала про себя: «Что же это ты, старая, вообразила будто она дома?»

— Вы твердо помните, что утром дверь была закрыта на засов и заперта на ключ? — переспросил прокурор.

— А как же! И сегодня и вчера. Сегодня-то я и вовсе не выходила. Плохо себя чувствую. Весь день пролежала. Только им вот, — она показала на меня, — открыла.

— Странно. Окно в комнате заперто изнутри, — вполголоса заметил прокурор и задал новый вопрос: — У вас есть еще двери на улицу?

— Есть из кухни, только она забита наглухо. Мы ею не пользуемся.

— А окна? Все запираются?

— Я каждый вечер проверяю и в кухне и везде и даже ставни закрываю.

— В какое время вчера пришел Вадим?

— Они вчера вечером часов в одиннадцать вместе объявились. Я им открыла. Валя мне сказала: «Мы, наверное, скоро уйдем». Вот я сегодня утром

и подумала... Стара стала, все забываю, небось спросонья дверь за ними сама закрыла, а потом и запаматовала. Вы уж извините, товарищ начальник, как-никак мне уж восемьдесят третий годок пошел.

— Странно... — задумчиво повторил прокурор и обратился ко мне: — Будьте добры, позовите сюда майора Гончарова, а вы, Вера Анатольевна, — обратился он к вернувшейся Коваленко, — заканчивайте допрос.

Коваленко с Фагурновой снова ушли на кухню, я пошел за Гончаровым и в передней столкнулся с санитарями, выносившими тело Марчевской для отправки в морг.

— Федор Георгиевич, любопытная деталь, оказывается, не только окна, но и двери сегодня утром оказались запертыми изнутри, — этими словами прокурор встретил вошедшего Гончарова.

— Да, я обратил внимание на это обстоятельство.

— Но если из квартиры никто не выходил, хотя, по всей вероятности, Марчевская сама выпустила своего приятеля и закрыла за ним дверь, — продолжал прокурор, — значит, никого, кроме нее и Фагурновой, не было. Кто же тогда убил?

— Я надеюсь, вы не предполагаете, что Фагурнова причастна к преступлению? — спросил Гончаров.

— Конечно, нет! — улыбнулся прокурор. — Надо полагать, что к этому преступлению имеет отношение знакомый Марчевской — Грачев. Но исчезновение его отсюда мне непонятно. Может быть, у вас имеются новые данные?

— Юрий Константинович, — вопросом на вопрос ответил майор, — вы были в палисаднике?

— Нет. А что?

— Пойдемте. Я вам покажу кое-что интересное. Прокурор с Гончаровым вышли из квартиры. Моя роль оставалась неизменной, я пошел за ними.

У ограды двора уже толпился взволнованный народ. До меня донеслись реплики.

— Что делается! — вздыхала пожилая женщина в синем с горошком платье и белым кружевным воротничком. — И откуда среди нас такие изверги берутся?

— Я бы с такими паразитами, — ожесточенно говорил молодой мужчина с новым детским велосипедом и продуктовой сумкой в руках, — я бы с такими гадами, как с самыми лютыми врагами, расправлялся.

— Надо еще словить их, — возразил чей-то низкий мужской голос.

— Будьте спокойны, всех переловят, — уверенно сказал стоявший впереди всех мужчина в летнем полотняном пиджаке, с двумя рядами орденских планок.

ГЛАВА X

Миллионы глаз

Работы в палисаднике заканчивались. Проводник собаки, записав результаты ее поисков, сидел на скамейке, ожидая дальнейших распоряжений Гончарова.

Огромная овчарка лежала у его ног. Собаке было жарко, она, свесив длинный красный язык, прерывисто дышала и настороженно следила за незнакомыми людьми, которые о чем-то говорили, что-то измеряли, фотографировали. Проводник трепал собаку по шее и успокаивал:

— Ну, ну, спокойно!

Молодой человек с комсомольским значком в петлице хлопотал над просушкой слепков следов и бережно ножичком срезал с них наплывы гипса.

— Александр Иванович, — обратился к нему Гончаров, — что со следами пальцев на окне?

Молодой человек подошел к майору и тихо сказал, что следы уже обработаны и отправлены для срочной проверки.

— А почему из-под окна воду не отвели?

— А разве нужно? — спросил Александр Иванович. — Все равно в воде следы вряд ли хорошо сохранились.

— Это нужно сделать обязательно!

— Хорошо. Сейчас сделаю.

— Какие шажки, мелкие и неровные! — заметил прокурор, поглядев на следы.

— Правильно. Очень интересные следы! — подтвердил Гончаров. — А что это за яма, Александр Иванович?

— Я один след вместе с землей вырыл. Мы его заделаем в террариум и поставим в криминалистическом музее. На стенде опишем дело, пусть молодежь учится. Товарищ Юдин любит натуру. Муляж не так интересен.

— Хорошая идея, — прокурор внимательно рассматривал гипсовый слепок.

Я подошел к Александру Ивановичу, начавшему отводить воду из лужи под окном Марчевской, представился, сказал, что получил разрешение комиссара присутствовать при расследовании. Когда церемония знакомства закончилась, я спросил:

— Скажите, что значит «интересные следы»? Я понимаю, «интересная книга», «интересная пьеса». Объясните, пожалуйста, как вы делите следы на «неинтересные» и «интересные»?

Тот засмеялся и спросил:

— Вы видите, куда ведут эти следы?

— Вижу. Кто-то подходил, а может, и влез в окно.

— Нет. Неверно. Никто не подходил и никто в окно не лез.

— Но ведь следы обращены к дому. Вот ямка от каблука, вот от подошвы.

Александр Иванович покачал головой.

— Ясно, да не очень. Рассмотрите их так, как это делал Робинзон, когда впервые увидел на песке необитаемого острова следы ноги человека. Вам никогда не приходилось поступать так, как Робинзон?

— Я пока еще не был на необитаемом острове.

— Жаль. — Он взял из лежавшего рядом раскрытого чемодана резиновую грушу и стал аккуратно отсасывать остатки воды из следов, отпечатавшихся в мягкой глине. — Не кажется ли вам странной близость следов друг от друга? — заговорил он снова, отложив грушу и нарезая ножницами полоски из промокательной бумаги.

— Честно говоря, нет.

— Сразу видно, что вы не следопыт. Следы

очень часты. Посмотрите, как короток шаг. Величина такого шага, если учесть размер обуви, никак не свойственна шагу взрослого человека, и линия пути ломаная. Это вам тоже ни о чем не говорит?

— Увы, нет!

Подожли Гончаров с прокурором. Они внимательно прислушивались к объяснениям Александра Ивановича. А тот продолжал:

— Человек, идущий нормальным шагом, ступает сперва всей тяжестью тела на пятку, а затем на подошву. Вы представляете себе движение пресса с промокательной бумагой по написанному чернилами письму? Нога, обутая в ботинок, точно так же ступает сперва на каблук, затем как бы прокатывается по земле от каблука на подошву. Таким образом, от заднего острого края каблука обозначается резче след. Понятно?

— Понятно, но ведь здесь вся ступня хорошо отпечаталась на глине.

— Нет, в данном случае произошло необычное явление. Носок, вернее его передний край, оставил след глубже и яснее, нежели каблук.

Вмешался Гончаров.

— Человек пятился назад и ступал не на пятку, а на носок. Чтобы не поскользнуться и не упасть на мокрой, размытой дождем глинистой дорожке, он часто оглядывался. Вот вам объяснение, почему линия пути получилась ломаной. Далее. Человек не влез в окно, а выпрыгнул из него. Глубокие следы от прыжка находятся под самым окном, но там они были скрыты от нас лужей.

— Каким же образом окно оказалось запертым изнутри? — удивился я.

— Никаких чудес здесь не произошло. Я осматривал окно, оно заперто только на нижний засов, который немного заржавел и может задерживать в верхнем положении. При самом незначительном толчке засов соскальзывает вниз и, опускаясь в гнездо, запирает окно. Когда преступник захлопнул за собой окно, оно именно таким образом и закрылось. Это обстоятельство могло ввести нас в заблуждение. Мне кажется, картина преступления выглядит так: после убийства Орлова Грачев и Марчевская не сразу вернулись домой. Страх гнал их от дома. Дальнейшее пока можно только предполагать. Надо думать, что Марчевская увидела, в какую пропасть она брошена своим милым другом, а он испугался ненадежного и опасного свидетеля. Произошло объяснение, и в результате Марчевской не стало... Дождь кончился на рассвете, часов в пять утра. Значит, этот человек выпрыгнул в окно и ушел чуть позднее, когда дождь уже прекратился, иначе следы были бы размыты.

— Федор Георгиевич, — спросил я, — какой смысл в этом аттракционе, если все равно Фагурнова видела убийцу входящим в дом?

— Верно. Но должен вам сказать, что в большинстве своем грабители и воры, а я за свою жизнь перевидал их немало, ограниченные люди. Иногда их хитрость и наглость можно принять за ум и смелость, но это ошибка. Возьмем для примера того же Грачева, хотя я далеко не уверен, что это его настоящая фамилия. Грачев, если можно так выразиться, лгал ногами. Он хотел, чтобы сотрудники милиции по направлению следов решили, что убийца проник в комнату Марчевской

с улицы, и на этом основании вывели заключение, что он посторонний человек и его надо искать вне круга ее знакомых. А о том, что, кроме этих следов, оставлены десятки других, об этом Грачев не подумал.

Как бы в подтверждение этих слов подошедшая Коваленко сообщила, что в адресном столе Грачев Вадим Александрович двадцати восьми — тридцати лет, по профессии шофер, не значится, но что по отпечаткам пальцев на стекле окна и на разных вещах в комнате Марчевской личность убийцы установлена. Это преступник-рецидивист, неоднократно судившийся за грабежи.

— Грачев — его настоящая фамилия? — поинтересовался прокурор.

— Нет, — ответила Коваленко. — Грачев Вадим Александрович, он же Огурчиков Сергей Иванович, ранее был зарегистрирован как Бороздин Николай Степанович.

— Недурственно, — усмехнулся прокурор. — Я бы его самого поместил в музей и держал в террариуме.

— Огурчиков-Бороздин? Позвольте, этого субъекта я знаю. Он уже был в числе нашей клиентуры, правда не у меня, — вспомнил Гончаров. — Он даже как-то пытался развивать на допросе весьма любопытный взгляд на жизнь. Вы слышали что-нибудь о пресловутом «рывке?»

— Нет! — сказал я.

— Типичная философия подлеца и преступника: «Зачем, мол, «вкалывать» за сто рублей в месяц, когда один только рывок — и я король?» Риск? Надо уметь избежать его, а того, кто мешает,

убрать с дороги. Человеческая жизнь? Плевать на нее. Людей на земле много, незачем считаться с такой мелочью. Одним больше, одним меньше. Таков взгляд на жизнь этого негодяя. Сдерживающих центров — никаких! При фашистах он был бы предателем и палачом... — Гончаров помолчал и решительно добавил: — Может, я скажу излишне резко, но в наших условиях Грачев — логическое завершение злостного тунеядства. Однако теперь убийце недолго осталось гулять на свободе.

— Но ведь пока неизвестно, где он? Куда скрылся? Где его искать?

— Неверно! — возразил Гончаров. — Не забывайте, что до последнего дня Грачев открыто встречался с Марчевской, открыто навещал ее. Это многого стоит. Убитая здесь жила не один год, у нее, конечно, есть подруги, знакомые. В общем надо работать!

Наступили сумерки. Только что уехал прокурор. Закончив осмотр, уехала и оперативная группа.

Я почувствовал себя слегка утомленным. Сказывалась непривычная обстановка, волнение. Я присел возле окна и задумался о том, как нужно ненавидеть жизнь, людей, чтобы совершать подобные преступления.

— Мечтаете? — раздался знакомый, чуть насмешливый голос майора. — Почему у вас такой унылый вид?

— А чему радоваться, Федор Георгиевич?.. Скажем прямо, оснований для веселья маловато, ключик-то опять потеряли.

— Что это вы теперь ударились в пессимизм? — рассмеялся Гончаров. — За семь-восемь часов на-

шего знакомства у вас менялось настроение добрый десяток раз.

— Вы еще скажете...

— А разве не так? Но суть не в этом. Главное — то, что в нашем деле пессимистом быть нельзя. Пессимизм везде вреден, а у нас особенно. Эх, дорогой мой, не замечаете вы силу, которая нам помогает.

Майор сел за стол и закурил. Вскоре он сам нарушил молчание, продолжая недавний разговор!

— Вот вы сказали, нет данных... Никитин и Фагурнова характеризовали Марчевскую как веселую, жизнерадостную женщину. Старушка подсказала, что у Вали была близкая подруга, живущая неподалеку.

— И вы нашли эту подругу?

— А что ее искать? Она рядышком. К ней пошла Вера Анатольевна. Женщинам легче будет поговорить по душам, пооткровенничать. Однако кое-что уже и до разговора с подругой совершенно очевидно.

— Что именно?

— То, что за последнее время Марчевскую словно подменили. Она стала избегать людей, сторониться знакомых. Это произошло, как можно догадаться, с того момента, когда она увидела настоящее лицо своего нового знакомого... С этого времени если Марчевская и говорила что-нибудь о своем приятеле, то только ложь. Она уже была целиком под его влиянием, она его боялась и выполняла его волю. Но меня интересует более ранний период, когда Марчевская еще не была посвящена в преступные планы Грачева. Вера Анатоль-

евна должна об этом подробно расспросить подругу Вали.

Гончаров умолк и закрыл глаза. Мне показалось, что он задремал, и я, осторожно ступая, направился к двери. Пусть отдохнет хотя бы несколько минут.

— Вы думаете, я сплю? — неожиданно спросил он. — Нет, так легче думается...

— Трудный у вас хлеб, Федор Георгиевич, — вывралось у меня.

— Зато по душе. Я не представляю себя вне милицейской работы. Как говорится, я плоть от плоти, кровь от крови милиционер. — Гончаров оживился. — Ну, я не типичное явление, старый кадровый разведчик. Всю войну в разведке пробыл. Но ведь и молодежь к нам тоже по призванию идет. Кончают институты, училища и не мыслят себе другой жизни и работы, кроме как по охране общественного порядка. Да, призвание — великая штука! И я понимаю своих товарищей, и старых и молодых. Представьте себе, строится новый дом, поднимаются стальные конструкции, укладываются железобетонные плиты, возводятся светлые стены — словом, рождается чудесное здание будущего, но старая рухлядь, прогнившие доски, укрытые по углам, слежавшиеся комья грязи мешают людям строить, обдают их едкой пылью, и тогда мы идем в бой.

Увы, и этот разговор оборвался: в комнату вошла Коваленко.

— Ну как? — спросил Гончаров, вставая.

— Все в порядке. Подругу зовут Дуся. Дуся Преображенская. Она хорошо знает Грачева. Ока-

зывается, Марчевская познакомилась с ним в столовой, у себя. Дусе Грачев тоже понравился. А недели две назад Марчевская спросила подружку, не может ли она указать кого-нибудь, кто сдал бы комнату за городом на время.

— Понятно. Прописка в Москве не устраивала преступника.

— По-видимому. Такую комнату Преображенская нашла где-то в Локтеве. Вернее, не она нашла, а ее знакомая Лина.

— Кто такая?

— Колхозница. Когда-то возила в город молоко, творог, яйца.

— А фамилию Лины Преображенская назвала?

— Нет. Она не знает ее. Но сегодня днем Лина была здесь, приезжала за покупками и заходила к Дусе.

— Обидно, — Гончаров потер лоб. — Локтево... Если не ошибаюсь, это тридцать девятый километр от Москвы. Жаль, что уже порядком стемнело. Ничего не поделаешь, нужно ехать сейчас же. Не такая уж сложная задача разыскать Лину. Кстати, Вера Анатольевна, вы поинтересовались, как выглядит эта Лина?

— Да. Невысокого роста, шатенка, полная. Лет сорока. Лицо в рябинках. Ничего примечательного Преображенская мне сообщить о ней не могла.

— Ну что же, будем собираться?

— А у меня еще здесь уйма дел, — вздохнула Вера Анатольевна.

Гончаров ласково посмотрел на нее.

— Послушайте доброго совета, идите отдыхать. — Он помолчал и добавил: — Работы вам

предстоит еще много. Мы сегодня явили с вами замечательное содружество прокуратуры и милиции.

— Позвоните мне сразу же после возвращения, — попросила Коваленко, простилась и вышла из комнаты.

— Федор Георгиевич, — спросил я, — имеет ли смысл ехать ночью? Не лучше ли утром, когда станет светло?

— А если он сегодня еще кого-нибудь убьет? Нет, медлить нельзя. Надо ехать, и как можно быстрее.

Однако на этот раз судьба нам улыбнулась. За дверью послышался шум. Кто-то с кем-то отчаянно спорил, доказывал, уговаривал, временами повышал голос. Неожиданно дверь распахнулась, и на пороге мы увидели мужчину средних лет, высокого, с худым остроносым лицом. Мужчина казался очень взволнованным. Его бледное лицо было влажно. Мокрые волосы прилипли ко лбу. Крупные капли пота блестели над верхней губой. Вместе с незнакомцем на пороге комнаты появился милиционер.

— Я просил вас, гражданин, немного подождать. Разве можно так... напролом? — с возмущением говорил милиционер, пытаясь оттеснить посетителя из комнаты. Обращаясь к Гончарову, он объяснил: — Гражданин из Локтева приехал, поначалу в наше отделение подался, его сюда отправили. Говорит, срочное дело, к вам рвется.

— Товарищ начальник, моя фамилия Кривошеев, — проговорил мужчина срывающимся от волнения голосом, — я к вам действительно по сроч-

ному делу. Так сказать, некоторые подозрения по поводу убийства имею.

Гончаров шагнул навстречу посетителю.

— Очень хорошо, что вы приехали, очень хорошо! — Он долго тряс руку пришедшему. — Прощу, садитесь. Да вы садитесь, пожалуйста!

Милиционер пожал плечами и вышел. Кривошеев в изумлении уставился на Гончарова.

— Вы меня знаете? — спросил он.

— Нет, я вас не знаю. Но вы сказали, что хотите что-то срочное сообщить о Марчевской, что же тут удивительного? Советский человек помогает милиции, так у нас всегда бывает. Слушаю вас.

Мужчина вынул из бокового кармана пиджака паспорт и, протягивая его Гончарову, сказал:

— Моя фамилия Кривошеев, Сергей Михайлович.

— Очень приятно познакомиться, Сергей Михайлович, — ответил Гончаров, даже не посмотрев на паспорт. Кривошеев внезапно умолк, побледнел, схватился за сердце.

— Что с вами?

— Болит, проклятое, — словно извиняясь, объяснил посетитель. — Как разволнуюсь, начинает колоть. А я в спешке даже валидол забыл взять.

— Как же вы так? — сочувственно протянул Гончаров. — Может, пойти к хозяйке? У старушки, наверно, есть?

— Нет, не надо, полегчало.

— А вы не волнуйтесь, мы подождем. Рассказывайте все по порядку. Вадим Александрович, Вадик вам известен? — фамилию Грачева Гончаров не назвал.

— Я увидел его в первый раз, — словно отвечая заученный урок, начал Кривошеев, — недели две назад. Его привела ко мне соседка по даче — Ушакова Акулина Павловна.

— Лина?

— Да, так ее все зовут. Она попросила меня сдать этому человеку на пару месяцев верх дачки. Одну комнату с балконом. У меня дача в Локтеве. Я согласился. И вот ко мне приехал еще молодой мужчина. Назвался Грачевым, точно, Вадимом Александровичем. Он принял все мои условия. Переехал. Комнату я сдал ему на два месяца. А сегодня я встретил Лину. Она мне рассказала, что гражданочка, которая бывала у моего жильца, Вала Марчевская, я ее знаю, убита.

— А почему вы его заподозрили?

— Видите ли, — запинаясь, проговорил Кривошеев, — у моего жильца какие-то неполадки с паспортом. Живет он без прописки, нигде не работает, в общем странный образ жизни ведет... Я, конечно, понимаю, что нарушил паспортный режим, но...

Гончаров усмехнулся.

— Но жилец предложил вам высокую плату и вы решили пойти на такое нарушение.

Кривошеев молча опустил голову.

— Хорошо, пусть это останется на вашей совести, — мягко сказал майор. — Но почему именно его вы заподозрили? Прописка — одно дело, а убийство...

— Он часто угрожал Вале и даже бил ее. Я слышал. Однажды даже хотел вмешаться, а потом решил, не мое дело.

— Жаль. Это касается каждого. В таких делах нет посторонних. Когда вы последний раз видели Грачева?

— Сегодня он не ночевал дома. Приехал на дачу незадолго до моего отъезда.

Гончаров посмотрел на часы.

— Сейчас без четверти одиннадцать. Надо торопиться.

— Надо торопиться! — как эхо, повторил Кривошеев.

— Вы, Сергей Михайлович, поедете с нами. Будете показывать дорогу. Главное — не мешкать.

ГЛАВА XI

Встреча на перроне

Мы вышли на улицу. Моросил дождь. Мокрый асфальт мостовой блестел и искрился под ярким светом фонарей. Две машины ожидали нас у ворот соседнего дома. В одной поместились капитан Дроздов и его сотрудники. Гончаров, Кривошеев и я сели в другую. Машины развернулись и понеслись в сторону Ленинградского шоссе.

Мимо нас проплывали стадион «Динамо», аэропорт, многочисленные новостройки. Сквозь стекла мелькали вперемежку многоэтажные дома, небольшие домики, огоньки на каких-то зданиях и башенных кранах, застекленные крыши заводских корпусов. Наконец город кончился, и по обеим сторонам шоссе потянулись поля, перелески, дачные поселки.

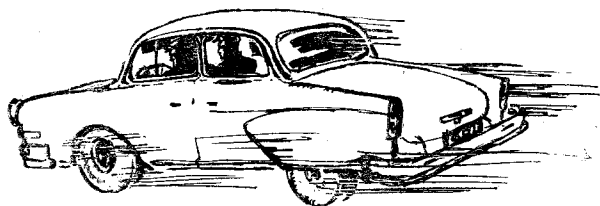
Мы ни о чем не разговаривали. Стараясь успокоить взвинченные нервы, я стал думать о том, как следует начать свою серию очерков, но стремительный бег машины, тревожное ожидание встречи, последней встречи с преступником, — все это лишало возможности сосредоточиться, уводило мысль в сторону.

Гончаров наклонился к шоферу и о чем-то спросил. Затем, откинувшись на спинку сиденья, он сказал:

— Скоро Локтево.

Через некоторое время машина резко свернула вправо. Теперь мы ехали по проселочной дороге. При слабом свете редких уличных фонарей стали видны очертания домиков, разбросанных по обеим сторонам поселка. Перед нами маленькая дачная улочка. Темнели крыши и мезонины дач. Машина замедлила ход и остановилась. Я увидел, как сзади на небольшом расстоянии от нас погасли фары второй машины. На улице не было видно ни одного прохожего. Только лай собак нарушал ночную тишину да в соснах шумел ветер.

— Прошу вас пока оставаться в машине, — сказал майор и вышел. Некоторое время мне была

видна его фигура, потом она словно растаяла в темноте. Мы сидели молча, и только иногда Кривошеев тяжело вздыхал:

— Боже мой, боже мой!

Наконец показался Гончаров. Отворив дверцу машины, он тихо сказал:

— Люди вокруг дачи расставлены. Все идет по плану. У меня, Сергей Михайлович, к вам просьба. Покажите комнату вашего квартиранта. Не возражаете?

Кривошеев ничего не ответил. Послышался его очередной тяжелый вздох. Видимо, поняв, в каком состоянии он находится, Гончаров успокоительно добавил:

— Да вы не нервничайте, никакой опасности нет, мы всё предусмотрели и всё учли: возьмите себя в руки... Вы хозяин дачи, приехали к себе, что в этом особенного? Если Грачев дома и, судя по тому, что не видно ни огонька, уже спит, еще лучше. Я пойду вместе с вами. Хорошо?

— Хорошо, — хрипло проговорил Кривошеев. Протянув руку, майор помог ему выйти из машины.

В машине остались мы с шофером. Снова воцарилась тишина. Шофер переложил пистолет из заднего кармана брюк в пиджак, открыл боковую дверцу и стал напряженно всматриваться в темноту.

Давно забытые фронтовые ощущения проснулись во мне. Нервы напряглись, слух улавливал малейший шорох, глаза, постепенно привыкшие к темноте, начали различать отдельные предметы. Сейчас я как-то особенно почувствовал себя свя-

занным с людьми, которые там, впереди шли брать преступника, убийцу. Люди тяжелого, сурового, самоотверженного долга!

Послышались быстрые шаги. Сотрудники уже возвращались. Неужели все кончилось?

Я тихо окликнул Дроздова. Он, не останавливаясь, махнул рукой и побежал к своей машине. Машина начала разворачиваться, и ее красные огоньки вскоре исчезли в темноте. Почти тут же подошли Гончаров, Кривошеев и еще один из сотрудников, лица которого я так и не смог разглядеть.

— В чем дело, Федор Георгиевич? — спросил я.

— Птичка улетела! Товарищи поехали перекрывать дороги, по рации уже оповестили дежурного по городу, просили мобилизовать нам в помощь дружинников. А мы со старшим лейтенантом Машукиным отправимся на станцию. Судя по горячей воде в чайнике, оставленном в комнате, Грачев ушел незадолго до нашего прихода и находится недалеко. Ушел без паники, поужинал. Товарищ Кривошеев, садитесь с шофером, показывайте кратчайшую дорогу на станцию. Электричка должна пройти через Локтево в час сорок пять минут. Если Грачев на платформе, мы успеем.

Теперь машина неслась, не разбирая дороги. Нас бросало из стороны в сторону. Мы поворачивали, крутили, объезжали деревья, строения. Только сейчас я понял, что значит высокий класс вождения. Машина казалась живым, умным существом, послушным воле водителя.

Наконец тряска кончилась. «Волга» вырвалась на асфальтированное шоссе. Впереди показались

огни больших фонарей, словно висящих в воздухе. Станция! Мы остановились на значительном расстоянии от нее.

— Товарищ Кривошеев, — попросил Гончаров, выходя из машины. — Вы только издали покажите его, больше от вас ничего не требуется.

Все двинулись к одноэтажному зданию станции, стоявшему посреди длинной деревянной платформы.

— Вы что, тоже хотите пойти с нами? — обратился ко мне майор.

— Я хочу участвовать в задержании преступника. Разрешите? — ответил я.

— Не могу, — покачал головой Гончаров. — Операцию проводят оперативные сотрудники милиции. Наблюдайте издали и все увидите.

Повелительный тон не допускал возражений. Было очень обидно, но я промолчал. Гончаров повернулся к Машукину, остановившемуся возле него, и спросил:

— Пистолет в порядке?

— В порядке, товарищ майор, не беспокойтесь.

— Пошли, только без шума. Без моего разрешения оружия не применять.

Майор стал подниматься на платформу. Кривошеев с Машукиным обогнули ее и пошли низом. Я некоторое время смотрел им вслед, дал возможность удалиться и, конечно, пошел за ними. Не торопясь поднялся на платформу. На длинном деревянном помосте, тянувшемся вдоль железнодорожных путей, стояло здание дачной станции и несколько киосков. Несмотря на позднее время, платформа была хорошо освещена. Оглядевшись, я сра-

зу увидел майора, одиноко стоявшего возле киоска. В синем плаще, он почему-то напомнил мне знакомого преподавателя из школы, где учится мой сын. Я подошел ближе. Гончаров укоризненно покачал головой, но молча вынул портсигар и протянул мне.

— Хотите курить?

— Нет, благодарю. Как дела?

— Он в конце платформы.

— Федор Георгиевич, — взмолился я, — разрешите пойти туда, я должен быть там, иначе ничего не увижу.

— А что там видеть? Ничего интересного не произойдет. Возьмем его так, что он даже не пикнет. Впрочем, — Гончаров на мгновение задумался, — идите сядьте на ближайшую скамейку и делайте вид, что ждете дачного поезда. Только ни во что не ввязывайтесь. Это мое категорическое требование.

— Хорошо, обещаю!

На платформе было пусто. Редкие уезжающие собрались под навес и терпеливо ждали поезда. Небольшая группа молодежи пела под гитару: «А парень с милой девушкой на лавочке прощается...»

Запевал приятный девичий голос.

Неторопливо шагая по пустынной платформе, я пристально глядел по сторонам... И вдруг увидел в самом конце платформы, вблизи от крайнего фонаря, одиноко сидящего человека. Стараясь не вызвать подозрения, я с деланной беспечностью опустил на свободную скамейку и огляделся. Ни Гончарова, ни его сотрудников нигде не было видно. По-прежнему негромко лилась песня.

Как бы между прочим я взглянул на своего соседа.

Грачев сидел в позе отдыхающего человека, откинувшись на спинку скамейки и вытянув длинные ноги.

Это был крупный, хорошо сложенный мужчина, одетый в серый костюм. Овальное лицо, не лишенное приятности, все же таило в себе какую-то несоразмерность. Тяжелый, словно каменный подбородок, тонкие, узкие губы, слегка суживающийся кверху лоб. Грачев, без сомнения, силен; это чувствовалось по всей его крепко сбитой фигуре. Однако в нем не было ничего особенного, ничего запоминающегося. Он казался спокойным, равнодушным, и это, пожалуй, было самое страшное.

Небольшая рыжая кошечка, вытянув длинный хвост трубой, поднялась по ступенькам и, мягко ступая, важно пошла по платформе.

— Ксс, ксс, ксс... — поманил ее Грачев.

Кошечка подошла к нему и стала ласкаться о ноги. Не меняя позы, он замахнулся ногой. Кошка отпрыгнула, но удар все же настиг ее и сбросил с платформы на рельсы. Жалобное мяуканье скоро прекратилось. Грачев продолжал сидеть как ни в чем не бывало.

Неожиданно около себя я услышал пьяные голоса, подпевавшие доносившейся песне. Я повернул голову и увидел Гончарова в обнимку с незнакомым мне молодым человеком, нетвердо шагающего по платформе. Оба, пошатываясь, прошли до конца платформы, не обратив никакого внимания ни на меня, ни на Грачева, и стали возвращаться.

— Вань, вот бы сейчас пару котлеток по-киевски! — сказал молодой человек. И я узнал в нем Машукина. Гончаров, в низко надвинутой кепке, названный Ваней, замотал головой, остановился, похлопал себя по карманам и сказал запletaющимся языком:

— Эх, досада, спичек нет! Курить до смерти хочется. Может, у гражданина есть?

И оба они сразу вплотную придвинулись к сидящему на скамейке. Тот лениво шевельнулся, подобрал ноги, не глядя на них, четко, как бы отрубая, сказал:

— Нет спичек, — и демонстративно отвернулся, давая понять, что продолжения разговора не будет.

— Да быть не может, гражданин, чтобы у вас не было спичек, не можем мы этому поверить! — с назойливостью, свойственной подвыпившим, не спуская с него глаз, говорил «Ваня».

— В чем дело, ребята? — все еще сдержанно спросил Грачев. — Я же сказал русским языком: нет у меня спичек. Что вам еще надо? Проваливайте!

— А я говорю, есть спички! — настойчиво сказал Гончаров и нагнулся к Грачеву, как бы желая убедиться лично, есть у того в карманах спички или нет.

— Что такое? — в голосе Грачева слышались гнев и злость.

Он вскочил на ноги и выпрямился во весь рост, словно желая показать, с кем имеют дело эти пьянчужки. Он был на голову выше коренастого Гончарова. Но майор хорошо знал свое дело. Ему только и нужно было, чтобы тот встал. Молниенос-

ным движением он схватил противника за обе руки, резко рванул на себя. В то же мгновение Машукин опустил руки в карманы Грачева и с необыкновенной ловкостью вытащил блеснувший черной сталью пистолет.

— Вот вам и огонек, — насмешливо проговорил Машукин. — А вы говорите, гражданин, нет спичек! Ай, ай, ай, как нехорошо лгаты!

— В чем дело? — Грачев рванулся в сторону. — Хулиганы!

— Не волнуйтесь, гражданин Грачев, вам только придется объяснить, зачем вы носите с собой пистолет, — негромко сказал Гончаров.

Несколько мгновений задержанный молчал, затем какое-то глумливое выражение появилось на его лице:

— Я?.. Оружие ношу? Да вы смеетесь, гражданин начальник... Могу чистосердечно признаться, что я действительно Грачев, сын собственных родителей, но насчет оружия, виноват, не выйдет. Не пришьете. Пистолетик не мой. Я от него категорически отказываюсь. Так и знайте, гражданин начальник. Это ваш пистолет. Вам мне его навязать не удастся. Я прокурору то же самое скажу: пистолетик не мой.

— Бросьте, это уже старые штучки, вы что-нибудь поновее придумайте.

Радуюсь, что могу быть чем-нибудь полезен, я подошел и сказал, что в любом месте подтверждаю, как из кармана этого субъекта...

— Гражданина, — перебил меня Гончаров.

— ...был вынут пистолет, — закончил я.

— Благодарю вас, — ответил Гончаров и, по-

вернувшись к Машукину, резко скомандовал: — Быстро в машину его!

— Сволочи! — прошипел Грачев.

И вдруг, рванувшись всей силой вперед, почти падая на колени и волоча за собой висевшего у него сзади Машукина, он вырвал руку, в которой блеснуло лезвие ножа. Видимо, оружие было спрятано у него в рукаве. Но ударить Грачеву не удалось. Неуловимым, молниеносным приемом Машукин схватил кисть руки. Нож упал.

И все же на какое-то мгновение Грачеву удалось высвободиться, и он сделал скачок к краю платформы. Я видел какую-то тысячную долю секунды его злые стеклянные глаза, и волна страшной ненависти захлестнула меня. «Как? Еще не все кончено? Хочешь удрать? Опять убивать, грабить?»

Я бросился к Грачеву, и мы оба упали. В то же мгновение он нанес мне удар кулаком по голове, стараясь оглушить, вырваться, но я уже успел схватить его за горло, и такая ненависть овладела мной, что я задушил бы бандита, если бы не почувствовал на плечах чьи-то руки. Я поднялся.

— Не горячитесь, — голос Гончарова был до удивления спокоен. — Зачем вы ввязались в драку? Я ведь предупреждал. Теперь он действительно будет жаловаться прокурору, что с ним сотрудники милиции невежливо обращались. Иди потом объясняйся, кто вы такой!

Тело ныло, я чувствовал на шее за ухом крошечную царапину. Машукин и еще один неизвестный мне сотрудник, крепко держа за руки преступника, вели его по лесенке вниз с помоста к машине.

— Приведите себя в порядок, — услышал я тихий голос Гончарова. — На нас смотрят.

— В чем дело? Из-за чего драка? Что случилось? — послышались взволнованные мужские и женские голоса.

— Не беспокойтесь, граждане, — ответил Гончаров. — Просто один человек решил ехать в город, не дожидаясь поезда, в попутной машине.

— Идемте, — позвал меня майор. — Вот уже и Дроздов здесь.

Обе машины стояли рядом. Дроздов шел нам навстречу и, глядя на меня, весело улыбался. Конечно, ему уже обо всем доложил Машукин.

— Я ненавижу этого бандита, — признался я. Гончаров и Дроздов громко рассмеялись.

— А вы думаете, мы в него влюблены! — сказал майор. — Только наша ненависть носит менее эмоциональный характер. В нашем деле такой способ выражать свои чувства не годится. Да вы к тому же доставили ему несколько радостных минут. Он может в известной степени считать себя удовлетворенным тем, что ему удалось намять бока сотруднику милиции. — Гончаров, хитро прищурившись, посмотрел на меня. — Он ведь не знает вашей истинной профессии. Ничего, ничего, — добавил майор, видя мой огорченный вид. — Побудете на допросах этого «героя», еще поработаете с нами бок о бок и сами убедитесь, что горячиться не надо. — Он дружески взял меня под руку. — Ведь это, к сожалению, не последний случай в нашей жизни.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава	I. У комиссара милиции	3
Глава	II. Кепка на мостовой	16
Глава	III. Допрос	23
Глава	IV. Кто был в машине	30
Глава	V. Неожиданный вывод	41
Глава	VI. Щедрые пассажиры	48
Глава	VII. Почему уволилась Марчевская	63
Глава	VIII. Следы в саду	72
Глава	IX. Дверь закрыта изнутри	79
Глава	X. Миллионы глаз	86
Глава	XI. Встреча на перроне	100

*Самойлов Лев Самойлович,
Гирин Владимир Михайлович*

ВЫСТРЕЛ В ПЕРЕУЛКЕ. М., «Молодая гвардия», 1964.
112 с., с илл.

Р2

Редактор А. Строев

Худож. редактор Г. Позин

Обложка Н. Кутилова

Рисунки Е. Викторова

Техн. редактор Е. Михалова

A01881 Подп. к печ. 16/VII 1964 г. Бум. 70×108¹/₃₂.
Печ. л. 3,5(4,79). Уч.-изд. л. 4,2. Тираж 100 000 экз. Зак. 1028.
Цена 13 коп. Б. З. № 39, 1964 г., п. 17.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сущевская, 21.